

СВЕТЛАНА НАРВАТОВА

СДАТЬ ЭКЗАМЕН
по любви

Светлана Нарватова
Сдать экзамен по любви
Серия «Ликбез», книга 5

<https://litres.ru/73595177>

SelfPub; 2026

Аннотация

Герман Летов – признанный авторитет в инвестициях и неудачник в семейной жизни. Жена второй год затягивает развод, на который сама подала, а дочь написала пробник по биологии на двойку. И ведь если бы супруга не выжила из школы биологичку, не пришлось бы Герману через третьи руки искать хорошего педагога за полгода до ЕГЭ. Так вот: приезжает он с дочерью знакомиться к репетиторше, ну а там... трам-пам-пам!

Содержание

Часть I. Юлия Игоревна?! Здрас-сьте...	6
Глава 1. Один чудесный выходной	6
Юля	6
Глава 2. Другой чудесный выходной	12
Герман	12
Глава 3. Вызов	26
Герман	26
Глава 4. Встреча на Эльбе	37
Герман	37
Глава 5. Вьетнамский флешбэк	44
Юля	44
Глава 6. Открытый урок	51
Герман	51
Глава 7. Долгая дорога к дому	65
Герман	65
Глава 8. О боже, какой мужчина!	72
Юля	72
Глава 9. Гром не грянет...	82
Герман	82
Глава 10. Всё дело в нервах	90
Герман	90
Глава 11. Яблоко от яблоньки...	102
Герман	102

Глава 12. Гуманизм и другие глупости	112
Юля	112
Глава 13. Проблемы с опорно-двигательным аппаратом	120
Герман	120
Конец ознакомительного фрагмента.	134

Светлана Нарватова

Сдать экзамен по любви

За консультации по юридическим вопросам автор благодарит ведущего канала «Юрист-юморист» Антона Дубровского

Часть I. Юлия Игоревна?! Здрас-сьте...

Глава 1. Один чудесный выходной

Юля

Выходные любят все. Даже те, кто сам их себе устанавливает. Выстрадавшие в борьбе между жадностью и чувством самосохранения, в народе именуемом ленью, такие дни отдыха ценятся даже дороже.

У Юлии Гордеевой выходной был один. При подготовке к ЕГЭ по биологии ученики обычно просили два занятия в неделю, поэтому заниматься приходилось чётное количество дней – для их удобства. Воскресенье – идеальный день для репетиторства, потому что нет уроков и работать можно хоть целый день. Помимо тех, кто приходил дважды, в этот день добавлялись «одноразовики». А выходной смещался на понедельник.

Первая его половина была отдана традиционной рутине. После утренней разминки и растяжки Юля завтракала и

принималась за свой «уголок юнната». Семнадцать горшков комнатных растений, аквариум на семьдесят литров и террариум с ахатиной Сашей – солидное хозяйство! Побрызгать, порыхлить, сменить воду, убратся... У папоротника Кости стали подсыхать листья. Бегония Ева вытянулась и требовала обрезки. Кислица Оксана набирала цвет, неплохо было бы подкормить. Обновить воду в аквариуме – когда у тебя в нём полным-полно прыгунов, эта процедура превращается в экстремальную. Порадовать душем улитку. Одним словом, забот невпроворот.

Напоследок отсадив для подготовки к нересту рыбку-петушка Егора и его подругу – петушка Ольгу (не «курочку» же?), Юля наконец выдохнула. Уходовые и клининговые процедуры можно считать завершёнными. Наконец можно отдохнуть: съездить на каток и пострелять в тире. Тир располагался на другом конце города, но это как раз не было проблемой. Поездка на велосипеде – прекрасная возможность проветрить мозги, очистить карму от налёта уныния, а корму – от угрозы лишних килограммов.

Гордеева уже надевала куртку, когда ожил мобильный.

Надпись на экране уведомляла, что на связи заведующая кафедрой биологии того самого университета, который Юля успешно окончила десять лет назад.

– Здравствуйте, Ольга Дементьевна! Рада слышать! – Она говорила совершенно искренне. Ольга Дементьевна вела физиологию человека и дрючила всех так, что студенты ходили

по струнке. Но и объясняла так, что имела право требовать. К тому же была одной из немногих, кто в той непростой ситуации протянул Юле руку помощи. – Как ваше здоровье?

– Добрый день, Юлечка. Здоровье понемногу. Как твои дела? Всё так же репетиторствуешь? Или устроилась в школу?

– Нет-нет, Ольга Дементьевна, спасибо, я больше в систему образования ни ногой. – Юля решительно помотала головой, хотя собеседница её не видела.

– Жаль, очень жаль, что из школы уходят грамотные учителя, – начала свою привычную песню заведующая.

– А мне-то как жаль! – поддержала её Гордеева.

«Жаль» было очень деликатным словом. С момента её эпического вылета из гимназии прошло почти два с половиной года. Жизнь давно наладилась и даже улучшилась. Во всех отношениях: и в эмоциональном, и в финансовом. Жить стало лучше. Жить стало веселее. Но любые напоминания о том, через что Юле пришлось пройти тогда, будили панику и желание спрятаться под одеяло.

– Юлечка, мне нужна твоя помощь, – перешла Ольга Дементьевна к делу.

– Если речь не о миллионе долларов, то всегда готова! Миллион, простите, просто не накопила.

Именно бывшая заведующая помогла тогда Гордеевой с учениками. Это было бесценно. На тот момент без её помощи Юля бы просто не выплыла.

– Нужно взять девочку. Можешь?

– Если честно, мой лимит уже выбран, но если очень нужно... – Долг платежом красен.

– Очень нужно, Юлечка. Сегодня звонил наш новый проректор, Валерий Владимирович Залесский¹. Ты, наверное, его не помнишь...

– Почему же. Он у нас на втором курсе экономику читал. Залесский был не просто красавчиком, он был харизматичным и холостым красавчиком. Такие навсегда оставляют след в нежных девичьих сердцах. Не то чтобы Юля надеялась, что проректор вспомнит её, но она его помнила.

– Так вот, позвонил и очень просил помочь в деликатном вопросе, – продолжила заведующая. – Очень, – подчеркнула она дополнительно. – У его знакомого проблема с дочкой. Что-то у них там внезапно не заладилось с предыдущим репетитором. Хорошая девочка из хорошей семьи.

– А почему я?

– Так ему же и репетитора нужно хорошего. Проверенного. У таких очереди на два года вперёд расписаны. – На этих словах Ольги Дементьевны Юля даже обиделась, но та продолжила: – Большинство же работает параллельно. А ты у нас барышня свободная...

– В каком классе учится эта «девочка из хорошей семьи»? – стала сдаваться Гордеева.

¹ Один из главных героев романа «Искусство управлять людьми» (в другом варианте названия: «Герцогиня и спортсмен»).

— Юлечка, я не знаю. Ты уж сама с ними договорись, — подвела итог разговору Ольга Дементьевна, не оставляя шансов на отказ. — Я могу дать твой телефон?

— Хорошо. Постараюсь утоптать расписание. — В конце концов, дополнительный источник учеников никогда не бывает лишним. Особенно если это проректор по экономике.

— Ты уж постарайся. Попрыгай на нём, будь добра.

Пожаловавшись на старение профессорско-преподавательского состава, заведующая по обыкновению предложила Юле поступить в аспирантуру, чтобы пополнить увядающие ряды. Гордеева традиционно отказалась, заявив, что не чувствует сил двигать науку. А образование она уже двигала. Спасибо, подвигалась. На том и порешали.

В конце концов, Юля дала согласие только посмотреть. По сути, просто сразу не отказала. Да и не факт, что «хорошая семья» осчастливит Гордееву своим звонком. Вряд ли Залесский был единственным источником репетиторского мяса. Может, там уже всё без неё решили. На этой мысли Юля успокоилась и вернулась в свою повседневность.

Тир.

Каток.

Собрав увесистый рюкзак, она вышла из квартиры. На лестничной площадке, пристёгнутый к батарее, её поджидал верный Буцик — велосипед Буцефал, если полностью. За время дороги мысли о звонке заведующей выветрились из головы. В тир она выбиралась раз в две недели и предвкуша-

ла, как будет расстреливать мишени. Верный арбалет Арчи в чехле, пошитом под мухомор, был пристёгнут к рюкзаку и весело постукивал по плечу, предвкушая потеху.

Сбросив в стрельбе всколыхнувшиеся эмоции, Юля проверила телефон. В мессенджере обнаружилось сообщение.

«Здравствуйте, – безлично начиналось оно. – Ваш контакт мне дал Валерий Залесский».

Вот так, в двух словах, собеседник намекнул, что с ректором он на «ты».

«Когда мы можем к вам подъехать?» – гласило продолжение. Собеседник не тянул кота за хвост. Он брал быка за рога.

Глава 2. Другой чудесный выходной

Герман Сутками ранее

– ...Что?! Палыч, у неё с головой вообще всё в порядке? – Герман скривил рот в оскале, остановил беговую дорожку и обтёр полотенцем пот.

Эта небольшая комнатка под крышей изначально планировалась как миниатюрный спортивный зал. В этом доме всё было продумано до мелочей ещё на стадии проекта.

– У тебя нужно спросить. Гера, у неё с головой всё в порядке? Ты, когда на ней женился, этим вопросом не озадачивался? Каким местом ты думал?! – задал встречный вопрос его адвокат и давний приятель Антон Данин.

– Можно подумать, ты, когда женился, думал другим...

Влажная майка неприятно липла к коже и холодила спину, что лишь усиливало гадливое ощущение от разговора.

– Я, во всяком случае, не развожусь. А для материалов вашего дела уже пора носильщиков нанимать. – Данин не удержался от осуждающего взгляда, будто это его принуждали таскать папки в суде, и он, бедолага, перетрутился.

– В любой сделке присутствует элемент везения. – Гера

подошёл к скамье для жима, где сидел адвокат. – Тебе просто статистика подыграла.

– Герман, при всём уважении: у неё же на лице крупными буквами написано: упырица. Сжирает всё, до чего дотягивается. Даже костей не оставляет, чтобы их потом перемыть. Всё перерабатывает прямиком в дерьмо. – Антон косым ро-счерком ладони показал, куда направляются продукты переработки.

– Слушай, я женился на вау-красотке, чтобы моей женой была вау-красотка. Цель достигнута. Можно двигаться к очередной вершине. Теперь сделай так, чтобы она съехала из моего дома.

– Не могу, – Антон развёл руками. – Я не могу ничего сделать, пока вы не разведены.

– Так разведи нас!

– Не могу! И не смогу ещё месяц, потому что твоя упырица снова подала уточнение к исковому заявлению. И месяц – это оптимистичный сценарий. Очередное заседание опять может быть перенесено, потому что её адвокат чудесным образом окажется занят в другом, гораздо более важном процессе. Герман, услышь меня: она не хочет с тобой разводиться!

Эпопея с разводом длилась второй год. Точнее, уже вторую половину второго года. Милена подала на развод внезапно. Не то чтобы до этого у них не было никаких трений. Были, но мало. Сложно ссориться и скандалить, когда два че-

ловека живут практически в параллельных вселенных, лишь изредка встречаясь в постели и на кухне.

Со стороны они, наверное, казались чудесной семьёй. Когда Летовы «выходили в свет» всем составом, на них оборачивались. Герман для своих сорока четырёх выглядел прекрасно. Регулярные физические нагрузки, дорогой парикмахер, здоровое питание, брендовая одежда и аксессуары – это всё в придачу к тому, что природа на его внешности не сэкономила. Милена тоже тщательно следила за собой. Можно даже сказать, маниакально. Дочь Арина взяла от родителей всё худшее по характеру, но лучшее из внешности, так что на фоне мамы и папы точно не терялась. Троица вызывала восхищённые или завистливые взгляды, в зависимости от нравственных качеств наблюдателей.

Да, за красивой картинкой пряталась неприглядная реальность. А у кого не так? Можно подумать, у кого-то в семье идеально! Все на людях делают хорошую мину.

Хотя некоторые и на людях не стараются.

Так-то у Летовых всё было путём, полная чаша. Они ни в чём себе не отказывали. В этом смысле Герман справедливо полагал, что свою мужскую миссию в семье он выполнял в полном объёме. А то, что иногда поглядывал на сторону... Ну так он нормальный, активный мужчина. У Милены же то голова болит, то Венера ретроградная, то у подружки новый айфон, хочу вчера, ах, нет?! На нет и суда нет, и сюда – нет, а туда – тем более! Ишь, чего захотел! Даже не мечтай, извра-

щенец! Вот в чём Милена была гениальна, так это в скандалах. Могла раздуть склоку из ничего. Даже меньше, чем из ничего – из вакуума.

И что, Гера за нею бегать должен? Уламывать-упрашивать? В жаждущих тепла и ласки у него недостатка не было. Но стоило зазвенеть первым звоночком, Летов честно предупредил: женат, и это нерушимо. Так что ариведерчи, бамбина, буду вспоминать тебя с тоской, всё такое.

Ну правда, зачем менять шило на мыло? Все бабы одинаковы. У всех повдоль. У всех ПМС. Все с тараканами. Правда, каждая со своим выводком. Ну так к Милениным Летов за время супружеской жизни более-менее приспособился.

Поэтому повестка в суд была для него как гром среди ясного неба. Сначала он растерялся и даже дезориентировался. Потом обнаружил в исковом заявлении требование моральной компенсации за измены и весело поржал с Даниным. Дебилизм чистой воды! Любой более-менее грамотный юрист сразу скажет, что в суде с таким без шансов. Бабу просто накрыло. Нужно дать время перебеситься. Жила Милена исключительно за счёт мужа и других доходов не имела. Арине на тот момент исполнилось шестнадцать, пировать за счёт алиментов особо не разгонишься. Пососёт немного лапу, успокоится.

Летов резко и сразу послал жену на отдельную жилплощадь – полученную им в наследство квартиру, – раз она так жаждет свободы и независимости от злостного абыюзера и

кобеля. Но не тут-то было. Как выяснилось, несмотря на заявление, Милена никуда не собиралась съезжать из дома, который Герман так тщательно спроектировал и с такой любовью построил. И чем дальше в лес, тем больше Летов приходил к тому же выводу, что и его адвокат: Милена не хотела разводиться.

Она хотела выкручивать ему яйца.

Долго.

Со вкусом, с толком, с расстановкой.

Милена продолжала жить в его доме за его счёт. Потому что не могла же оставить дочь с таким подонком? И с собой она забрать Ариночку не могла: кровиночку же нужно на что-то кормить. А то, что жена тоже кормилась тем, что покупалось якобы для дочери, так не будешь же еду изо рта у неё вырывать? Хотя из этой акульей пасти попробуй вырви. К тому же, пока Милена ела, она хотя бы молчала. Потому что нескончаемая песня на тему: «Твои измены разрушили наш брак!», «Из-за тебя Арина ревёт по вечерам, вместо того чтобы готовиться к экзаменам!», «Ты испортил мне жизнь, из-за тебя я в депрессии и вот-вот умру» и так далее и тому подобное окончательно отбила у Германа желание появляться дома в то время, пока там была всё ещё жена.

– Так чего, говоришь, она хочет на этот раз? – Гера опёрся о тренажёр и бросил взгляд в панорамное окно, за которым виднелся усыпанный снегом лес. Из-под невинно-белоснежных шапок выглядывали тёмные колючие лапы. Какой поэ-

тический образ пропадает втуне!

– Половину инвестиционного фонда, – повторил Антон.

– Слушай, что курил её адвокат?! Он что, не понимает, что фонд мне не принадлежит? Ни уставной капитал, ни, тем более, паевой. Я – всего лишь управляющий! Палыч, у Милены же диплом по экономике! Как можно не понимать таких очевидных вещей?!

– Если бы ты оплачивал обучение своей благоверной не столь щедро, возможно, что-то из контрольных и курсовых она бы всё же выполнила сама, – не удержался от очередной колкости Данин.

И здесь Герману нечего было возразить. Адвокат – это вообще такой человек, с которым лучше не спорить.

– Гера, попытайся с нею договориться. Выясни, чего она хочет. И дай ей это наконец.

– Антон, она хочет денежков. Много. Навсегда. А я ей их давать не намерен. К тому же у меня столько нет, сколько она жаждет. А если и есть, то ей об этом знать не надо. Хочет половину фонда? Ну я тоже хочу. Хоть что-то нас объединяет. Благодарю, друг, за добрые вести. – Герман подал руку адвокату. – Спасибо, что заехал. Извини, что ничем тебя не угостил.

– Не извиняйся. Ты мне платишь деньги. И пока в твоём доме проживает твоя гюрза, я здесь в рот ничего не возьму. И тебе не советую, – оптимистично закончил Данин и поднялся. – До встречи.

* * *

Желание продолжать тренировку пропало, хотя положенное Герман ещё не отбегал. Ладно. Добегает в другой раз. Острые струи прохладного душа кололи кожу, но привычной бодрости не дарили. Смыв шампунь с волос, Летов бросил взгляд на тело. Нет, у него не было «пивной мозоли», и под кожей бугрились мышцы, если их напрячь. Но предательские дряблые складочки на боках, когда Гера наклонялся, бесили.

Впрочем, сейчас его всё бесило.

Долгожданный развод, затеянный Миленой, в очередной раз отодвигался. Это подвешенное состояние раздражало настолько, что Летов как никогда был близок к рукоприкладству в самом что ни на есть абьюзивном смысле этого слова.

Возможно, после этого проволочки с разводом наконец закончатся.

Но нет, конечно, нет.

Ничего не закончится. Герман слишком хорошо знал свою жену, чтобы надеяться на простой исход. Она раздует из банальной пощёчины побои, а то и покушение на убийство. Хорошо, что жили Летовы в отдельном коттедже. Проживай они в многоквартирном доме, к гадалке не ходи, она бы устраивала по три концерта на день, терроризируя соседей и

полицию рассказами о несуществующем насилии.

Нужно купить грушу.

Герман боксом и вообще единоборствами не увлекался, но прямо сейчас с радостью бы сбросил агрессию в конструктивное русло. И для психики хорошо, и для здоровья полезно.

Он вышел из душевой, которая прилегала к тренировочной зоне. Пахло потом, и Гера приоткрыл фрамугу на проветривание. Снаружи догорал короткий зимний день. Света из окон, выходивших на север, уже не хватало. Сумрак и скат крыши давили на черепную коробку. Захотелось сбежать на работу, хотя сегодня был выходной. Всю работу, понятное дело, не переработает. Особенно в бизнесе Летова. Бросив использованное полотенце и спортивную одежду в корзину для грязного белья, он пошёл к лестнице. Неплохо было бы подкрепиться, а потом можно и в офис собираться.

Но, открыв холодильник, Герман обнаружил, что идея поесть дома всё же была плохой.

– Арина сдала пробник на два! – остановил его изыскательские работы голос всё ещё супруги. Причём, судя по тону, виноват в двойке был непосредственно Летов.

Дверцу пришлось закрыть несолоно хлебавши.

Точнее, не похлебавши вовсе.

– И тебе добрый день, дорогая, – натянул демонстративно-дежурную улыбку Герман. – На что она пробовалась в этот раз?

– Очень смешно! – Милена сложила руки на груди, что сложило верным признаком: разборки будут долгими и кровопролитными.

Проливаться будет кровь Германа.

И мозг разлетаться брызгами во все стороны.

Почему за вербальное убийство не судят? Летова убивали каждый раз, когда он пересекался с женой. Убивали с особой жестокостью. И тем не менее в глазах судьи Милена Летова выглядела кроткой овечкой, несчастной жертвой мужа-самодура.

Герман молча отзеркалил позу супруги. Если кому-то очень хочется поорать, пусть орёт. Не кляп же ей в рот совать? Но помогать и стимулировать Летов не будет.

Даже если этим будет помогать и стимулировать.

Или именно поэтому.

– Ты даже не спросишь, о каком экзамене идёт речь?! – Как Герман и ожидал, Милену прорвало.

– Зачем? – Резиновая улыбка снова растянула его губы.

– Тебе никогда не было дела до дочери! – Голос жены улетел куда-то в регистр ультравысоких частот. Нестерпимо захотелось закрыть уши подушкой и провалиться сквозь землю. Почва, наверное, отличный звукоизолятор.

С чем тут спорить? Ну нет. И не было. Она же девочка! О чём с ней разговаривать? О Тик-Токе? О платяницах и куколках? О том, почему она волосы в розовый цвет покрасила, а ногти в чёрный?

Герману было всё равно.

Он, конечно, мог помахать шашкой и сказать Арине, что она должна выглядеть, как положено. Но на самом деле не видел в этом темы для обсуждений. Кто положил эти нормы и сколько им ещё лежать? Нравится – пусть себе ходит. А почему нельзя-то?

Ругаться на тему учёбы Летов тоже не видел смысла. От ругани желания учиться у Арины не прибавится. Мозгов в голове – тоже. До некоторых вещей человек должен дорасти сам. Опыт – дело наживное и спорами не размножается. Только на собственных ошибках. Только хардкор. Хотя Миленины гены заставляли сомневаться в том, что ошибки помогут. У той любимые грабли всегда были наготове.

К тому же с учебой – точнее, с оценками, – у дочери проблем особо не было. Но за это следовало сказать спасибо не способностям или усердию Арины, а пробивным талантам её матери. Жизнь любого учителя, которой позволял себе усомниться в гениальности Принцессы, превращалась в ад. Конечно, самым показательным примером в этом ряду была её классная руководительница, которую Милена буквально выжила из школы.

Представьте себе: та не желала ставить пятёрки за то, что Арина – хорошая девочка!

И ведь предмет такой, никому не нужный – биология! Не математика, не русский – действительно серьёзные дисциплины. Не физика или, прости господи, химия, которые

сложные и не всем даются. Тут, так уж и быть, Милена была согласна на «четыре». Но бесполезная биология, пестики-тычинки?..

А ещё эта мымра обзывала Принцессу, говорила, что та наглая и ленивая, и отказывалась продавливать ей отметки по другим предметам. А ведь классный руководитель обязана заботиться о ребёнке и об успеваемости класса! Ещё унижала Арину при всех. Это со слов жены: и про мымру, и про обзывания, и про унижения. Летова написала целую петицию и собрала подписи – а кто бы ей отказал? Дураков-то нет. Герман тоже от этого процесса старался держаться подальше, чтобы продуктами жизнедеятельности не окатило с ног до головы. Милена строчила кляузы безостановочно, чуть не Президенту, сколотила стачечный комитет из таких же обиженных завышенными требованиями. В общем, только когда училка, наконец, сбежала из школы, она выдохнула.

Но ненадолго.

Куда девать силушку-то молодецкую? Темперамент огненный? Тут-то и прилетела Герману повестка в суд.

В общем, если бы не скандал с классной, эпопея с разводом, видимо, началась бы на два года раньше и продлилась на них же дольше. Поэтому в глубине души Герман был благодарен неизвестной, но очень принципиальной жертве супруги за то, что та приняла огонь на себя.

Эти размышления остались сокрыты от жены, но молчание подействовало на неё, как пика на быка.

– Тебе плевать, что девочка не поступит в вуз!!! – Милена ушла в ультразвук.

– Может, это её чему-то научит, – спокойно возразил Герман.

– Это будет ужасный удар по психике! Как ты можешь быть таким жестоким к своему ребёнку!

– Я-то в чём жесток?! – Герман почувствовал, что терпение начинает иссякать и ситуация выходит из-под контроля. – Чего ты от меня ждёшь? Что я должен был сказать? Что мне очень жаль? Или позвонить губернатору, чтобы тот отменил ЕГЭ?

– Губернатор не может его отменить! – Жена слегка ослабила напор.

– А Президенту, прости, я позвонить не могу, – развёл руками Гера. – Нужно было выходить замуж за олигарха. Но для тебя ещё не всё потеряно. Разводись и выходи.

Летов вытянул вперёд раскрытые руки, будто нёс на них хлеб-соль.

– Ты должен найти репетитора по биологии, – вдруг, с места в карьер, перешла Милена к конкретике.

Только отточенное годами умение держать лицо помогло Герману сдержать хохот. Если карма бывает, то это она.

– Арина решила поступать в мед? – не удержался он.

– Арина мечтает стать психологом! – ледяным тоном отрезала жена.

– А при чём тут биология?

– Мог бы и поинтересоваться, какие предметы ей нужно сдавать! – улетел в Германа очередной упрёк. – Хотя при чём тут биология, я тоже категорически не понимаю. Глупость какая! Могли бы собеседование сделать вместо этой идиотской биологии. Ну скажи, какая связь между психологией и тычинками?!

Из тона супруги можно было подумать, что Летов лично подтасовал вступительные, лишь бы ей досадить.

– Понятия не имею, какая связь и куда делись те деньги, которые я выделяю ежемесячно на репетиторов. Я полагал, что ты все эти вопросы утрясла. С твоей-то неуёмной энергией.

– Я всё сделала! – стала горячо оправдываться Милена. – Я нашла ей репетитора, но Ариночка не смогла с нею заниматься! Она доводила девочку до слёз своими придириками! Мы сменили педагога, но новая объясняла непонятно. И время было неудобное. Тогда Арина решила заниматься сама. Я нашла ей самую лучшую онлайн-школу. Она говорила, что всё у неё хорошо.

– Но внезапно оказалось, что всё плохо?

– Как у тебя совести хватает издеваться?! Ты, ты-то что сделал?

Герман выдохнул и медленно посчитал про себя от пяти до одного.

– Я найду репетитора. Всё? Или у тебя ещё есть что сказать?

Пользуясь моментом перезагрузки алгоритмов, Герман ретировался с кухни, а спустя десять минут – сбежал из дома.

Глава 3. Вызов

Герман

Адреналин от общения с супругой ещё будоражил внутренности, и голод накатил с новой силой. Летов разумом понимал, что «зажоры» и «заливы» скандалов до добра не доведут, поэтому постарался ограничить себя в заказе. Ресторан был хороший, проверенный, уютный. Герман ушёл в ограждённый кабинет. Видеть никого не хотелось. Общаться – тем более.

Бокал хорошего пива и сочный стейк с кровью немного подняли настроение. Хочешь – не хочешь, а обещание нужно выполнять. Тем более, это был прекрасный способ щёлкнуть Милену по носу. Она-то, чего доброго, подбирала репетитора по количеству лайков под фоткой! Нет, Герман подходил к вопросу основательно. Его позиция по жизни была простой и понятной: если брать, то самое лучшее.

А где водятся эксперты в области преподавания?

Само собой, в университете.

И Летов набрал номер Валерия Залесского, с которым не раз пересекался по роду деятельности. Бизнес в сфере экономики и финансов – не такая распространённая тема. Все

сильные игроки друг друга знали по имени и за руку. А теперь Залесский, и без того целый профессор, стал аж ректором по экономике! Ни для кого не секрет, что система образования у нас в государстве – миниатюрная модель азиатского общества. Кто выше – тот всегда прав. Кто ниже, тот обязан улыбаться и кланяться. Так что Герман был уверен в результате. Конечно, он не рассчитывал, что ему отыщут доктора наук. Всё же доктора наук – товар штучный. Летов, так и быть, был согласен на кандидата.

Но тут Геру поджидало жестокое разочарование. По словам Залесского, репетиторы вовсе не сидели в засаде, ожидая, когда на горизонте появится потенциальный клиент, чтобы хватать и тащить себе в логово. Особенно хорошие репетиторы. Тем более – в середине учебного года. Поэтому Валера ничего не гарантировал, но обещал подключить личные связи.

Герман приуныл.

Требование супруги найти репетитора для дочери заиграло новыми гранями. Оказалось, это не каприз, а жест отчаяния. Отлично разыгранный блеф. И Летов, самонадеянно недооценивший противника, повёлся, как лох развесистый. Вяпался сдуру, как в июльскую жвачку на бетоне.

Но суетиться он не привык.

Вот когда настанут отчаянные времена, тогда придёт пора отчаянных мер. А пока Герман распрощался с Залесским, расплатился с официантом и отправился в офис. Даже если

биржа отдыхает, это ещё не повод расслабляться. Эфир колосился новостями. В камышах затаились «чёрные лебеди»², готовые в любой момент взмыть в небо. У политиков очередной гон во всех смыслах этого слова. Люди делают деньги. Деньги делают людей. И всё это отражается на ценах: акций, облигаций, опционов, золота, валют и всего остального, куплей-продажей чего обеспечивает доход пайщикам управляющий паевого инвестиционного фонда.

* * *

Задолго до бракоразводного процесса Герман фактически перебрался жить в свой домашний кабинет. Это получилось не специально и даже из лучших побуждений: торги шли с разницей во времени, поэтому Летов зачастую задерживался в офисе и не хотел будить жену. Несмотря на выходной, он вернулся поздно. Можно было приехать раньше и побольше поспать, но мысль об очередном акте марлезонского балета не будила энтузиазма. Скорее, убивала его на корню. И Герман, аки тать в ночи, бесшумно прокрался к своему собственному дивану в своём собственном доме.

² «Черными лебедями» в экономике и социологии называют неожиданные, непрогнозируемые события, которые привели к глобальным изменениям. Например, пандемия ковида.

Утром Летову также удалось избежать встречи с благоверной, а во второй половине дня от Залесского прилетел контакт репетитора. К контакту шла приписка, что в вузе ребёнка ни к кому пристроить не удалось, но вот конкретно эту женщину завкаф биологии очень рекомендует как грамотного специалиста и отличного педагога.

Что ж. Кандидата добыть не получилось. Но тут Милена сама виновата: не строила бы из себя великого кузнеца судьбы своей дочери и попросила о помощи своевременно, был бы и кандидат. Но ведь сейчас от Германа никто и не требовал найти репетитора со степенью? И даже хорошего найти не просили. Это сугубо инициатива Летова. Чай, заведующие кафедрами кого попало не посоветуют.

Удручало, что из всей информации об учителе был только номер телефона. Но снова беспокоить занятого человека, чтобы разузнать, кто она такая, подробнее, стало бы нарушением неписаной деловой этики. В конце концов, если работает репетитором, значит, язык у неё есть, и пользоваться им она умеет. Как зовут, скажет.

«Здравствуйте. Ваш контакт мне дал Валерий Залесский». Надо полагать, даму уже предупредили и вопрос согласовали, поэтому, не тратя время на лишние церемонии, Герман продолжил: *«Когда мы можем к вам подъехать?»*

Он ожидал быстрого ответа, но адресат упорно не появлялся в сети. Точнее, не открывал(а) мессенджер. Надо же, какая деловая колбаса! Ответ пришёл, когда Летов уже по-

грузился в работу с головой. Он даже не сразу понял, о чём речь.

«Здравствуйте. А вы кто?» – поинтересовалась репетиторша, чем поставила в тупик. В смысле, с ней не обсуждали вопрос занятий? Нужно в холодную договариваться?

«Вам не звонили по поводу девочки?» – осторожно уточнил он.

«Звонили. Вы – девочка?»

Герман хмыкнул. Он на сто двадцать процентов девочкой не был. Во всех смыслах.

«Нет, я её отец».

«Извините, я сейчас тороплюсь. Освобожусь примерно часа через четыре. Посмотрю своё расписание. Подумаю, куда вас можно будет втиснуть».

Такое пренебрежение Герману не понравилось. С одной стороны, собеседница не нарушила правил общения. Но с другой, бесило элементарное игнорирование реальности: он – клиент. А клиент – всегда прав. Клиент – плоть и кровь любого бизнеса. А тут вы посмотрите, как она цену набивает! В другой ситуации Летов послал бы лесом такую королеву. Но прямо сейчас искать новую было неохота. К тому же Арина кому угодно с пинка ЧСВ поправит. Ему какую задачу поставили? Добыть репетитора. Он добыл? Добыл. Остальное уже не его проблемы.

Однако момент, когда заявленные четыре часа истекли, он почувствовал спинным мозгом. Новых сообщений не по-

ступало, а за окном уже было темно. Сегодня Летов собирался вернуться домой победителем, поэтому решительно нажал вызов.

– Добрый вечер! – ответил весьма приятный женский голос. Почему-то Герману репетиторша представлялась заслуженной бабищей с химией на голове. – А я как раз вернулась домой, открываю расписание.

– Добрый вечер. Очень рад. – Летов добавил в голос сексуальности.

– В каком классе девочка? – Судя по тону, девицу не проняло. Сегодня определённо был не его день. Но Герман намеревался всё исправить.

– В одиннадцатом, – он добавил нотки модуляции.

– В таком случае очень жаль, но я вынуждена вам отказать. Извините, если бы я знала, то не стала бы тратить ваше время. – Между строк сквозило «и своё тоже», и Герман автоматически отметил, что отказ дался собеседнице без каких-либо усилий. На самом деле большинство людей, особенно женщин, испытывают сложности с тем, чтобы сказать решительное «нет».

Его образ победителя и просто рыцаря в белых доспехах сыпался на глазах.

– Отчего же? – Летов не собирался отступать и был твёрдо намерен дожать девицу, хотя теперь было понятно: она так просто не сдастся.

– Если вы за полгода до экзамена меняете репетитора, зна-

чит, у вашей дочери проблемы с предметом. Хорошо подготовить за такое время невозможно, а виноватой останусь я. Зачем оно мне?

В логике и здравом смысле девице отказать было сложно. И это говорило в её пользу.

– Я готов заплатить за неудобства.

– Это прекрасно. Но снова «нет». Знания – не товар. Их нельзя просто взять и купить себе в пользование, понимаете? И тем более – в подарок другому человеку.

Герман прекрасно понимал. И полностью разделял точку зрения незнакомой училки с приятным голосом.

– И всё же дайте нам шанс. Возможно, нам всё же удастся договориться. Вы же ещё не видели ученицу? Вдруг она вас приятно удивит?

На этот счёт Гера очень сильно сомневался, но ему нужна была личная встреча. А там уже всё будет по-другому. Отказать, не глядя в глаза, легче, чем лицом к лицу. К тому же тот, кто не продаётся за деньги, продаётся за большие деньги.

– Чувствую, я об этом ещё пожалею. Но ладно. Давайте завтра к восьми вечера. Я сброшу вам адрес.

– До встречи! – с обещанием в голосе, попрощался Летов.

Нет, он обязательно её додавит. А вот Милену туда пускать нельзя. Совершенно точно. Она гарантированно всё испортит. Потому что супруга Летова находилась на противоположном полюсе от логики и здравого смысла. Значит, завтрашний вечер придётся потратить на дочь.

Что ж.

Не самая большая потеря.

Не самая дорогая плата за победу.

* * *

– Где наша принцесса? – поинтересовался Герман, вернувшись домой и обнаружив в кухне жену.

Та жевала зелёный салатик с участием стеблевого сельдерея и авокадо. Не то чтобы Летова жаба заела. Но эта овца жевала свою траву за его счёт и даже ни разу не подавилась при этом. Видимо, полагала, что имеет право распоряжаться тем, что он заработал, на правах половины шкуры недобитого развода. Разумеется, начиная с момента, как Милена подала на развод, денег у Летова внезапно стало гораздо меньше. Отец затеял ремонт, а Герман как любящий и заботливый сын не мог оставить родителя без помощи и теперь с чистой совестью сливал под его крылышко заметные для семейного бюджета суммы.

Кто к нам за чем, тот идёт строем на фиг.

– Арина сегодня ночует у Лизоньки, – с заметным возмущением ответила Милена, видимо, ожидая отцовского негодования.

Но у «Лизоньки» – не у «Петеньки». С чего бы Герману

возмущаться? Тю!

– К экзаменам, наверное, готовится? – вложив в вопрос максимум ехидства, спросил он и направился к поттеру, чтобы заварить чай.

– Иногда девочке нужно отдохнуть! Это же такой стресс! – тигрицей бросилась Милена в защиту.

И Герман бы оценил материнский инстинкт, если бы несчастная «девочка» по факту не была такой же тигрицей, которая сама, без помощи мамы, могла загрызть какого угодно.

– Завтра вечером я повезу её к репетитору, – поставил он в известность супругу. – К восьми часам.

– Что за репетитор? Сколько у него стобалльников? – оживилась Милена.

– Дорогая, а тебе не всё ли равно? Арина даже на тройку не вытянула. – Герман растянул губы в резиновую улыбку.

Информацией о количестве подготовленных стобалльников он не обладал.

– Я не могу позволить, чтобы Арина занималась у абы кого!

– Должен тебе напомнить, что твои не «абы кто» продемонстрировали полную некомпетентность. Может, стоит попробовать по-другому? В крайнем случае, если и с моим репетитором наша гениальная дочурка экзамен завалит, у тебя хотя бы будет возможность свалить вину на меня. Но если ты сама хочешь нести всю ответственность за провал Арины,

кто я такой, чтобы отговаривать.

Герман оставил чай завариваться во френч-прессе и направился к холодильнику за составляющими бутерброда. От купленного вчера вкусенького и полезенького зернового хлеба из любимой пекарни осталась жалкая горбушка. Конечно, это всё Арина. Ведь жена жуёт исключительно траву. И ещё манной небесной питается, когда никто не видит.

– Я разговаривала с девочками в чате. Просто Арине не повезло с вариантом. Учителя часто дают на пробник слишком сложные вопросы, с которыми дети не могут справиться.

– И поэтому двойки у всего класса! – скривил рот Герман.

Милена проигнорировала замечание и, изобразив оскорблённую невинность, вместе с тарелкой, авокадо и сельдереем удалилась к себе в комнату.

На душе сразу полегчало. Хотя гаденькое желание что-нибудь разбить или съесть из вредности весь запас сельдерея в холодильнике никуда не делось.

Слегка перекусив, Герман заперся в кабинете. Он отправил дочери сообщение о завтрашнем визите и погрузился в рабочую аналитику. Когда ложился спать, сообщение так и не было прочитано. И после обеда тоже не было. В пять Летов позвонил, и Арина лениво заявила, что в курсе. В разводе дочь ожидаемо стояла на стороне матери, и в целом Летову на это было плевать, поскольку общались они редко и обычно по поводу денег. А в разговорах о деньгах Герман стоял в положении силы. И как-то вдруг до него дошло, что

проблемы могут обнаружиться не только со стороны репетиторши и Милены.

Есть ещё и Арина, которая может выкинуть таких кренделей, что собирать замучаешься.

Глава 4. Встреча на Эльбе

Герман

К репетитору ехали молча. Нужно было что-то сказать, дать какую-то установку, чтобы Арина вела себя прилично. Что никто не гарантирует, что её вообще возьмут. Но тут Летов, который привык в любой ситуации быть на коне, ощущал шаткость позиций, и желание давать ценные указания пропадало. Может, и так всё сложится? А если не сложится, то проблему можно решить на месте.

– А где его откопал? – внезапно нарушила молчание дочь.

Герман аж вздрогнул от неожиданности, настолько, оказывается, погрузился в мысли.

– Кого? – Он быстро бросил взгляд на Арину.

– Репетитора этого.

– Её. Это женщина.

– А-а-а! – презрительным тоном «поня-ятно!» протянула дочь.

– Что тебе понятно?

– Где ты её нашёл, – в точности копируя интонации жены, процедила сквозь зубы Арина. Которая живёт на его деньги. И ест. И развлекается.

– Я её нашёл у проректора университета. Попросил найти самого надёжного и грамотного специалиста.

– И что она собой представляет?

– Арина... – с предупреждением начал Герман. – Я не понял: ты вообще собираешься учить предмет? И как ты думаешь сдавать экзамены?

Дочь замялась.

– Вообще-то ты мог бы мне его и купить! – с вызовом выплеснула она.

– Опа! – Герман притормозил на красном и посмотрел на «кровиночку». – Интересно, как ты себе представляешь?

– Папа, ну все же покупают! Потом просто ставишь наушник в ухо, и тебе диктуют ответы. А ты просто записываешь и сдаёшь, никаких проблем!

– Раз все покупают – возьми и купи, – фыркнул Летов.

– Я бы и купила. У меня просто нет твоих денег! – возмутилась дочь.

– Подожди-ка, подожди-ка... – стало доходить до Германа. – Не с этой ли целью ты так маниакально выпрашивала мою карточку пару недель назад? Ты собиралась с неё оплачивать?!

– Папа, ну там же всё наверняка! Там же заранее платить ничего не нужно! Только в случае положительной оценки.

– А сейчас только карту подтвердить надо? – похолодело в затылке у Германа.

– Там всё абсолютно надёжно! Я читала отзывы! – стала

горячо оправдываться Арина.

В такие моменты у Летова возникало желание сделать анализ на отцовство.

– Арина, дорогая, – процедил он сквозь зубы и выжал газ за секунду до зелёного. – Я бы не стал влезать в такие авантюры, даже если бы это действительно был способ купить тебе ответы на экзамене. Но в данном случае просто неоновыми огоньками сияет «Добро пожаловать, лохи!».

– Ты ничего не понимаешь! – всхлипнула дочь, и Герману нестерпимо захотелось врезать ей подзатыльник. – Ты просто хочешь сделать так, чтобы я больше страдала!

Герман прижался к поребрику и заглушил мотор.

– Конечно. Именно этого я и хочу. – Летов полез в карман за телефоном. – Я прямо сейчас звоню репетитору и приношу извинения. Говорю, что занятия нам не нужны. Ты прекрасно проживёшь без высшего образования. А дома первым делом под подпись и запись уведомя маму о твоих выходках. И если она проявит безалаберность и из-за тебя окажется в долгах, я их выплачивать не стану. Понятно объясняю?

Бунтарский дух мгновенно выветрился из Арины, а в глазах появился испуг. Мама – это страшно. Особенно мама в гневе.

– Ну и денег на карманные расходы, чтобы ты не вляпалась в крупные неприятности, я больше давать не буду, – заполировал эффект Герман финальным штрихом.

Арина обиженно молчала, опустив плечи.

– Ну что, звонить? – Летов дал дочери шанс.

– Ладно. Буду учить.

Герман кивнул и мягко тронулся с места.

– Но ведь мне не нужна эта тупая биология!

– Арина, жизнь не обязана соответствовать твоим ожиданиям. Она вообще тебе ничего не обязана. Она предлагает выбор. Ты или соглашаешься и платишь или не соглашаешься и проходишь мимо. Всё просто. Или учишь и сдаёшь, или идёшь в колледж. Или куда там ты ещё можешь поступить со своими экзаменами?

Дочь продолжала сопеть, как ошестинившийся ёж.

– Ты хочешь, чтобы за твой выбор заплатил я. Но я не обязан за него платить. Ни сейчас, ни в будущем.

Арина сложила руки на груди и отвернулась.

– И не потому что я тебя не люблю, как ты сейчас думаешь, а совсем наоборот. Это твоя жизнь. Привыкай. Просто не будет.

Пыхтение не прекратилось. Дочь ждала более весомых проявлений отцовских чувств. Но Герман и так на сегодня перевыполнил норму.

* * *

Навигатор привёл к пятиэтажке. Большая часть репетиторов принимала детей на дому. Герман этого не одобрял, но понимал нежелание оплачивать офис – они же наверняка каждую копейчку берегут, с такими-то смешными расценками. Поэтому морально Летов был готов, что ему предстоит оказаться в чужой квартире. Потенциально, это могло сыграть ему как в плюс (если репетиторша застыдится своего жилища), так и в минус (если будет чувствовать себя в своих стенах более уверенно).

Квартира оказалась на четвёртом этаже. Арина всем своим видом показывала, как она устала. Донесите её на ручках. В другой ситуации она бы поныла на эту тему, изображая жертву. Но недавняя провинность не позволяла ей развернуться во всю ширь.

Герман нажал на кнопку звонка. Из квартиры послышалась птичья трель. Раздались шаги. Щёлкнул замок, и дверь открылась.

За ней обнаружилась очень уютная, вполне ещё молодая женщина в очках. Герман навскидку определил разницу в возрасте лет в десять. Ей бы уход, как у Милены – была бы не хуже. Нет, жена была определённо красивей, если оценивать объективно. Но репетиторша брала харизмой. На лице стояла печать интеллекта. Мимика была очень живой и легко выдавала интерес хозяйки к Герману.

Это льстило.

Лёгкий жест, которым женщина поправила за ухо прядь

волос, подтверждал симпатию.

Но в следующий момент выражение её лица изменилось.

– Арина?.. – Теперь она смотрела на дочь.

– Юлия Игоревна?.. – столь же оторопело выдавила Арина и перевела взгляд на Германа. – Папа, ты с ума сошёл?!

Определённо, карма есть. Первым делом Летов задумался, не было ли всё подстроено? Но репетиторша удивилась совершенно искренне. А подозревать, что Залесский в курсе событий трехгодичной давности, было уж совсем из области конспирологии. Однако, что бы ни было тому причиной, рекомендованная репетиторша была той самой классной, крестовый поход против которой организовала Милена.

Все гениальные расчёты и наполеоновские планы рухнули в один миг. Необходимость объясняться с женой, искать нового репетитора, выглядеть бледно в глазах случайной, но всё же симпатичной барышни, – всё это навалилось на плечи Германа тяжелой глыбой.

Ну уж нет.

Если не можешь избежать безобразия, сделай вид, что так и задумано.

– Арина, подожди меня в машине. – Он протянул дочери ключи. Водить машину она, к счастью, была не способна, но завести мотор могла.

– Я такси вызову, – проявила самостоятельность та.

– И телефон мне отдай. – В душе Летов был благодарен за подсказку. Только Милены с мигалками здесь сейчас не

хватало.

– Папа!.. – возмутилась Арина родительской тиранией.

– Музыку послушаешь.

Герман стоял с протянутой рукой, и телефон лёг в неё.

С гордо расправленными плечами, не прощаясь, паразитка сбежала по лестнице вниз.

– Я могу войти? – обратился Герман к Юлии Игоревне.

Теперь он знал, как её зовут. Это, несомненно, прогресс!

Глава 5. Вьетнамский флешбэк

Юля

Юля никак не могла поверить в происходящее. Это что, такое изощрённое издевательство? Летовым мало было растоптать её в школе? Они решили продолжить преследование?

Нет, на холёном лице Ариного папаши не было ни следа неприязни. Он весь излучал доброжелательность и вызывал доверие, как профессиональный переговорщик. За неполные три года, когда Гордеевой понесчастливилось быть классным руководителем у Арины, она ни разу не видела Летова вживую. Юля даже его телефон себе в контакты не стала добавлять, не то находился бы он теперь в чёрном списке, и не было бы никакого звонка. И сообщение от него тоже бы не пробилось сквозь железный занавес.

Однако Герман Летов – Юля помнила его имя, и даже отчество помнила: Рудольфович, – стоял перед ней во всей своей красе и великолепии.

– Я могу войти? – выверенным до миллиметра тоном спросил он.

Очень хотелось сказать что-нибудь грубое, с глубоким и

дальним посылом. Но почему-то не посылалось. Аура респектабельности, излучаемая Германом Летовым, подавляла нецензурные порывы, идущие от сердца.

– Нет, – коротко ответила Юля и попыталась захлопнуть дверь.

Однако Летов оказался проворнее и упёрся рукой в дверного полотна, мешая это сделать.

– Давайте не будем устраивать выяснения отношений в подъезде. Это некрасиво, – пожурил Герман Рудольфович, сияя улыбкой в сотню ватт.

Гордеевой даже стало любопытно, чего он хочет. Мужчина мгновенно считал её сомнения:

– Ну правда, Юлия Игоревна, не думаете же вы, что я могу представлять для вас опасность? Давайте я войду, и мы поговорим как цивилизованные люди.

Летов совершенно точно был опасен. Муж Милены Летовой мог быть или законченным подкаблучником и тряпкой – но такого впечатления не производил, или матёрым волчарой, перед которым даже его стерва-супруга поджимала хвостик. И физически он был гораздо сильнее. Бессильно дёргаться, пытаясь закрыть дверь, Юле не хотелось. А любые угрозы с её стороны сейчас звучали бы смехотворно.

Почему-то не хотелось выглядеть глупо в глазах красивого мужчины.

Что само по себе было глупо, но об этом она подумает завтра.

Ладно. Что она теряет? Пусть произнесёт свой спич. Юля молча шагнула назад, освобождая проход в квартиру.

Летов в несколько коротких взглядов оценил прихожую, и Гордеева порадовалась, что летом её отремонтировала. Своими руками, зато недорого и качественно. И порядок вчера навела, не пожалела времени. Так что теперь ей краснеть было не за что. Она скрестила руки под грудью и выжидающе уставилась на пришельца.

– Мне очень жаль, что всё так получилось с вами, – начал он издалека.

У Юли аж алая пелена на глаза упала.

– «Получилось»?! Как-то само собой вышло, да? – Во рту горчило от слов.

Летов кивнул в знак согласия:

– Не прав. Мне жаль, что моя жена так с вами поступила.

Где же он был со своей жалостью, пока Милена Летова размазывала её по всем инстанциям?

Гордеева молчала. Если он хотел извиниться за содеянное, то получилось не очень.

– И всё же я хочу вас просить позаниматься с Ариной.

Воображаемая челюсть разбилась вдребезги о воображаемый пол.

– Вы сейчас серьёзно?!

Летов чуть склонил голову набок, показывая своим видом: а что, это не очевидно?

– Зачем вам это надо? Найдите себе нормального педаго-

га, который будет бегать вокруг Арины на цыпочках и заглядывать ей в рот. Все будут счастливы.

– Мне не нужно, чтобы вокруг неё бегали. Мне нужно, чтобы она сдала экзамен.

– А если не сдаст, то будет кого обвинить и заклеить?
– Юля презрительно хмыкнула. – Спасибо, нет. Я уже через это проходила.

– Я верю в ваши силы, – щедро улыбнулся Летов, будто рублём одарил.

– В свои силы я тоже верю. Я не верю в силы Арины. Понимаете, подготовка к экзамену – это прежде всего усилия самого ребёнка. Я могу хоть десять раз объяснить тему, он будет кивать головой, ему всё будет понятно. Но до тех пор, пока он не заставит себя сесть за задания и выполнить их самостоятельно, это будет пустая трата времени. Моего. Я им дорожу. И денег. Ваших.

– Мне не нужно, чтобы Арина сдала на «отлично».

– Хо! Она и не сдаст!

– С чего это вы взяли? – судя по вызову в голосе, правда из уст Юли неожиданно задела отцовскую честь.

– Хорошо, давайте по порядку. – Гордеева прислонилась плечом к стене. – Вы бы сейчас не стояли передо мной и не уговаривали, если бы у вас был вариант лучше. По всем законам жанра вы должны были развернуться, как только меня увидели, и улететь в далёкое далёко вместе с Ариной. Однако вы здесь. Значит, ситуация у вас безвыходная. А что мог-

ло её таковой сделать? Недавний пробный экзамен, который, надо полагать, Арина с треском провалила. Причём неважно, провалила она мой предмет или какой-то другой экзамен и решила сдавать биологию вместо него. В любом случае вы предлагаете мне подготовить её к ЕГЭ с нуля. Я не берусь утверждать, что за такое время её можно подготовить хотя бы на «три», говорю как на духу. Потому что она ленивая и самовлюблённая манипуляторша. Она не любит и не умеет работать. Арина предпочитает, чтобы все порхали вокруг неё и исполняли её прихоти.

– Вам не откажешь в проницательности.

Гордеева снова попыталась поднять челюсть по частям. После такой отповеди самолюбивый папаша должен был психануть и, хлопнув дверью, поспешить за доченькой. А вместо этого Герман, мать его, Рудольфович, стоял довольный, как кот, обожравшийся сметаны.

– Спасибо, стараюсь. – На этом Юля решила закончить сольное выступление и посмотреть, что предпримет гость.

– Именно поэтому я бы хотел, чтобы с Ариной занимались вы.

– Ладно, – Гордеева отклеилась от стены и перенесла вес на другую ногу. – С трудом, но я могу понять, почему этого хотите вы. Почему этого должна хотеть я?

Летов кивнул, словно признавая право на этот вопрос, и с достоинством поднял чуть повёрнутую в сторону голову, демонстрируя безупречный профиль.

Просто мечта художника, а не профиль.

– Предлагаю два варианта ответа: ради самолюбия и денег.

– У меня есть два довода против: здоровые нервы и свободное время. – Она сделала жест раскрытой ладонью, дескать: «Что вы скажете на это?».

– Серьёзные аргументы, – с улыбкой, которая ему исключительно шла, согласился Летов. – Ещё есть миссия гуманиста: протянуть руку человеку в беде, перевоспитать и взрастить... – Он покрутил кистью, видимо, полагая, что Юлия сама продолжит.

– Вы сейчас издеваетесь? – уточнила она.

– Нет. Но мне кажется, это прекрасная возможность показать Милене, которая причинила вам столько неприятностей...

– Вы называете это таким безобидным словом – «неприятности»? – Гордееву потряхивало изнутри.

– Так или иначе, это же сыграло вам на руку? Вы же сами никогда бы не ушли из школы, так? Я ни за что не поверю, что сейчас вы жаждете вернуться обратно. Человек, познавший свободу, не захочет назад, в крепостное право. Во всяком случае, добровольно. – Летов дёрнул бровью, будто спрашивал: «Я же прав, да?».

– Может, вы ещё и скидку попросите за благодеяние?

Высокий, идеальный в модельном пальто по фигуре, харизматичный красавчик с лёгкой проседью на висках раздражал Юлю своей позицией «свысока». Стоял, такой весь из

себя Мефистофель, и полагал, что всё в его руках.

И все у его ног.

– Нет, конечно. Я предлагаю вам двойную оплату за занятия. А если вам удастся подготовить Арину хотя бы на тройку, я выплачу вам премию в сто тысяч.

– Просто так? – скептически спросила Юля.

– Почему? В качестве моральной компенсации.

– Что вам мешает выплатить её прямо сейчас?

Летов раскрыл ладони с видом: «Вы же умная девушка, к чему такие вопросы?».

– Готов оформить наши отношения договором, – вкрадчиво добавил он.

О да! Летов был достойной половиной своей супруги. Он тоже мог добиться чего угодно, только другими методами. Под мягкостью «стеления» ощущалась стальная жёсткость.

Некоторым проще дать, чем объяснять, почему не даёшь.

Пусть сам откажется.

– Я соглашусь заниматься с Ариной. Но только при одном условии: если она не будет выполнять домашнюю работу или будет делать её на «отстаньте», наши занятия прекращаются.

Что ж. Герман Рудольфович не соврал. Прямо сейчас, глядя, как вытягивается его лицо, Юля испытала глубокое удовлетворение.

И это ей понравилось.

Глава 6. Открытый урок

Герман

Летову казалось, он готов к любому развитию событий. Но воображение его подвело. До такого Герман додуматься не мог. Он чувствовал подвох, но пока не мог понять, в чём именно.

– Герман Рудольфович, давайте прямо: вероятность выиграть сто тысяч в лотерее выше, чем получить их от вас, – пришла на помощь репетиторша. – Полагаю, что вы просто не представляете объёма работы и её сложность. И сильно преувеличиваете степень мотивации вашей дочери. Я абсолютно уверена, что она сдуется после первой же домашки. Биология – самый сложный ЕГЭ по официальной статистике, можете погуглить, если не верите. И уверенно держит первое место уже как минимум пять лет. Если не нарабатывать навыки самостоятельного решения, никаких шансов на положительную оценку нет. Поэтому мы с вами договариваемся: две невыполненные или решённые на неуд домашки, и вы от меня отстаёте. Надеюсь, вы человек слова?

В тоне репетиторши сквозила неприкрытая насмешка. Она объективно оценивала ученицу и ситуацию в целом.

В отличие от Германа, который наивно полагал, что сможет выдохнуть, пристроив Арину в надёжные руки и одновременно подложив супруге жирную свинью. Ведь так удачно карты ложились!

– И второе условие...

– Ещё и второе! На что только люди не идут, лишь бы не получить премию! – театрально воскликнул Летов, и училка рассмеялась. Хорошенькая. Хоть и в очках. Женщин в очках Герман не любил.

– Это же я вам нужна – хоть и не понимаю, почему. Так вот. Раз уж вы приехали и никак не хотите уезжать, я предлагаю сэкономить нам всем время и нервы. Давайте проведём пробник прямо сейчас. Чтобы у вас никаких иллюзий не было. И претензий, что вы денег платили аж по двойной таксе, а толку не получили.

– Хорошо. Это разумно. Мы скоро вернёмся.

– Имейте в виду: если не вернётесь, я несколько не расстроюсь, – доброжелательно улыбнулась училка, будто не кидала своими словами перчатку в лицо Летову.

Репетиторша, сама того не понимая, подыграла Герману. Ему бы в голову не пришёл такое простой и изящный способ прижать хвост Арине.

Дочь обнаружилась, где и ожидалось: в машине. Кивала головой в такт какой-то попсовой песенке и довольно прилично подпевала.

– Почему ты так долго? О чём вообще с ней разговари-

вать? Не мог сразу послать? – набросилась «кровинушка».

– А я не собирался её «посылать». Я договаривался о за-
нятиях.

– Что?! – безглаголиво-недовольное выражение изуродовало
хорошенькое, ухоженное личико Арины.

– Я считаю, что если кто-то и справится с тобой, то Юлия
Игоревна.

– В смысле: «справится»? Ты представляешь, как она бу-
дет на мне отрываться, после того как мама выгнала её из
школы?

– Значит, ты этого заслужила. За всё нужно платить. Доб-
ро пожаловать во взрослую жизнь, деточка. Хотя я думаю,
что она так себя вести не будет. Давай серьёзно: ты хочешь
стать психологом?

– Ну хочу! – с видом «и что с того?» заявила дочь.

– А как ты собираешься учить людей справляться с кон-
фликтными ситуациями, если сама не в состоянии с ними
разобраться?

– Это другое! Она же меня ненавидит!

– Да? Что-то я не заметил.

– Да понятно, ты ей только на сиськи пялился! – Арина
завелась.

– Что ты сказала?.. – Не то чтобы Герман на них ни разу
не взглянул. Но вообще-то он отец. А она – писюлявка мел-
кая, которая живёт исключительно за его счёт. – Так, деточка
моя. – Летов положил руки на руль и включил поворотник,

чтобы тронуться. Пошли они все... — Думаю, тебе до высшего образования ещё расти и расти. Поэтому больше ни копейки на своих репетиторов ты от меня не получишь. И твои карманные расходы я больше оплачивать не собираюсь. Раз ты такая взрослая и самостоятельная, уж как-нибудь сама.

— Ты обязан!!!

Герману захотелось вытряхнуть из уха осколки барабанной перепонки.

— Да ты что?! Учёба, школьная форма, дорога до школы и обратно, проживание и еда — это мои обязанности. А всё остальное — исключительно вопрос моих родительских амбиций. Которые только что разбились о неблагодарность чада. Так что самообразование в помощь. Ты в нём уже преуспела. Подключение к вайфаю дома я, так и быть, оставлю.

Летов прикидывал в голове, какой грандиозный скандал закатит жена. Но скандал будет в любом случае. Появление в уравнении неизвестного в лице Юлии Игоревны его гарантировало. Зато какой гениальный повод нанести супруге ответный удар!

Герман прикинул, как Милена попытается использовать в суде отказ мужа в оплате репетиторов. И продумал свои контрмеры в виде обвинения в преследовании школьного учителя, которого все поголовно считают замечательным педагогом. В общем-то, к разделу имущества всё это не имело никакого отношения, а ребёнка Летов себе отвоёвывать и не собирался.

...Но, с другой стороны, а может, попробовать? «Не могу оставить доченьку с таким чудовищем!». И алименты с Милены потребовать. Так, потехи ради. Чтобы жизнь мёдом не казалась.

– Па-ап...

Летов взглянул на дочь. Та выглядела растерянной.

Видимо, в то время, пока Летов прокручивал в голове варианты развития ситуации и высматривал просвет между машинами, чтобы влиться в поток, у Арины вся жизнь перед глазами промелькнула. Это у Германа был козырь в рукаве. Точнее, в кошельке. У Арины кроме лужёной глотки не было ничего, что бы она могла противопоставить матери с её претензиями и запросами. По тренированности голосовых связок дочь проигрывала старшей Летовой всухую. А если часть денег, которые отстёгивались на ребёнка, Милена тратила на себя, то потеря халявы должна вызверить супругу по полной...

– Ты же сейчас не серьёзно?..

Летов молча бросил взгляд в зеркало заднего вида и тронулся с места.

– Папа, ты же не можешь так со мной поступить? За что? Из-за этой мымы?!

– Нет, дорогая моя, из-за того что ты берега попутала. Мало я тебя порол в детстве. А теперь поздно. – Герман перестроился во второй ряд. – Будем воспитывать другими способами.

Ну правда, что он теряет? Милена уже везде, где могла, выставила его последним мерзавцем. Просто он наконец станет вести себя согласно заявленным характеристикам.

Душу наполняло непривычное спокойствие.

Внутри крепла уверенность в правильности выбора.

Сколько жена будет использовать Арину как оружие на тропе войны? Почему она может себе это позволить, а Герман – весь такой правильный должен быть, рыцарь в серебряных доспехах?

Это будет славная битва...

К тому же Арине пойдёт на пользу опыт жизни рядового российского ребёнка. Принцессе пора спуститься с перин. Понять, что мир не всегда будет плясать под её дудку. И чем раньше до дочери это дойдёт, тем лучше для неё же.

– Пап, ладно, чего ты хочешь?

Герман усмехнулся про себя. Отрицание и гнев миновали. Вот и до торга добрались. Быстренько она переобулась.

Летов же осознал, что настолько принял неизбежное будущее, вжился в новую реальность, что возвращаться и переигрывать принятое решение оказалось неожиданно сложно.

Но ведь он не враг своему ребёнку. Всё это затевалось как урок.

– Мы сейчас возвращаемся к этой, как ты её называешь, мымре, и проверяем твой уровень знаний по предмету. Юлия Игоревна убеждена, что ты не справишься с экзаменом.

– Разумеется, она меня завалит!

– Я буду следить за соблюдением правил. Если замечу, что она к тебе предвзята или проявляет враждебность, даю слово: на этом наше общение с Гордеевой прекратится. Я соглашусь, что вы с мамой были правы в отношении её. Если увижу агрессию или провокации с твоей стороны, мы тоже завершим общение, но с теми последствиями, которые я тебе уже обозначил. Будем считать это тестом на твою адекватность.

* * *

Отцовский авторитет и увесистый подзатыльник в паре работают лучше, чем просто отцовский авторитет. И они работали – это было замечательно. Правда, на четвёртый этаж Арина поднималась, как на эшафот: обречённая, но не сломленная. В зрителе, менее взыскательном, чем Герман, спектакль мог пробудить чувство вины. Но Милена столько раз проезжалась по нему бронетранспортёром, что живого места там уже не осталось.

– Вы всё же пришли? – не удержалась от шпильки репетиторша. Но тему про долгие сборы развивать не стала, чем заработала ещё одно очко от Летова. – Если пользуетесь тапочками, можете выбрать на свой вкус.

Она показала на обувную полку с простеньким китайским ширпотребом. Герман предпочёл бы свои ботинки, но это была квартира. Чем в неизвестно кем ношенных сланцах, лучше босиком. В смысле, в носках.

Комната, в которую их пригласили, произвела на Летова неизгладимое впечатление. Ближе к окну была оборудована рабочая зона: стол, стулья, ноут, МФУ-шка. Полка с книгами. Стаканчик с ручками и прочими канцелярскими принадлежностями. Но сам подоконник и стены были уставлены и увешаны горшками с растениями. Чуть дальше от окна на тумбе стоял большой аквариум с рыбками. Ещё один, маленький, с одинокой шикарной рыбёшкой, висел на стене. И ещё один, по стенке которого флегматично ползла огромная улитка, располагался на стеллаже. Напротив стоял диван, который прятался от входящих кованной подставкой под цветы. Зеркальный шкаф-купе напротив окна отражал этот зелёный уголок, придавая комнате объём, и Герману казалось, что он пришёл в оранжерею. Или контактный зоопарк.

Но в целом обстановка была уютной и расслабляющей.

– Давайте ещё раз оговорим наши цели... – Репетиторша указала рукой на удобное кресло, куда Летов с удовольствием опустился. Арине предложила сесть за стол.

– Арина, твой папа хочет, чтобы я подготовила тебя к экзамену, – обратилась она к Летовой-младшей. Та молчала. Взгляд её был прикован к улитке.

– Это ахатина Саша. Она очень любит душ. Самые ста-

рательные ученики получают право её искупать, – заметила Юлия Игоревна интерес потенциальной ученицы и зашла с туза.

– Саша – это мальчик или девочка? – уточнил Герман, чтобы немного развеять напряжение.

– По настроению. Может быть и тем и другим одновременно, хотя случаи самооплодотворения встречаются нечасто, – огорошила биологичка и закончила: – Но регулярно. Так, давайте к нашей теме. Арина, ты понимаешь, что одного желания твоего папы недостаточно, чтобы ты успешно сдала ЕГЭ?

Дочь оторвала взгляд от улики с проблемами в гендерной идентификации и кивнула.

– Чтобы у нас всех не было неоправданных ожиданий и предвзятых мнений, предлагаю тебе сейчас решить типовой вариант. Ты же работала с таким сборником? – Она взяла в руки здоровенную книжищу.

Арина задержалась с ответом, но всё же кивнула, из чего Герман сделал вывод, что издание она опознала. Но слово «работала» в её случае было преувеличением.

– Чтобы ты не думала, что я подсунула самый сложный вариант, предлагаю Герману Рудольфовичу – как лицу незаинтересованному и не информированному – выбрать любое число от одного до тридцати. – Она сделала приглашающий жест.

– Пятнадцать!

– Замечательный выбор! – одобрила Юлия Игоревна, и Летов не понял: то ли он случайно выбрал что-то забубённое, то ли это была ирония «молодец, мальчик, справился».

Училка быстро откопировала несколько страниц, отдала их Арине, а книжищу поднесла к родительскому креслу.

– Ему же доверим проверку ответов. Они вот здесь. – Биологичка открыла по стикеру страничку с ключами. – Будете работать счётной палатой.

Определённо, репетиторша отдавала себе отчёт в том, чего от неё ожидают, и была начеку.

– Арина, давай договоримся: если ты не знаешь ответ, так и говори или пытайся угадать сразу. Не тяни время, пожалуйста. Хорошо?

Дочь, которая уже пришла в себя от встречи с «зелёным уголком», изобразила на лице оскорблённое: «Я знаю всё!». Пока она знакомилась с заданиями, Гера пробежался глазами по критериям оценки. В целом, ничего сложного не было. По крайней мере, в тестовой части.

И по части проверки.

Он вооружился выданным карандашом и приготовился начислять баллы.

По итогу их набралось целых семь.

К сожалению, из необходимых тридцати восьми.

– Мы этого в школе не проходили! – возмутилась дочь, когда Летов завершил несложные подсчёты.

– Не проходили, – легко согласилась Юлия Игоревна. – О

чём и речь. – Тут она обратилась к Герману: – Уровень знаний, которые требуются для решения ЕГЭ по биологии, на порядок выше школьного. Причём нужно не просто помнить целую кучу незначительных фактов и владеть терминологией, но ещё и уметь этим всем пользоваться. Я настойчиво рекомендую вам сменить предмет, пока ещё есть возможность.

– К сожалению, для поступления на психфак необходима биология. – Летов всё же нашёл время и убедился, что без неё никак.

– Я вообще не понимаю, зачем она нужна! – взвилась Арина. Похоже, это было семейное убеждение.

– Ну как же? – удивилась репетиторша. – Психика – это функция нашего мозга. Память, эмоции, мышление – за этим всем скрывается работа нейронов. Всё правильно.

– Ненавижу биологию!

На месте Арины Летов был бы осторожнее в словах, но репетиторша восприняла их на удивление спокойно.

– Ты её просто не понимаешь, – спокойно улыбнулась Юлия Игоревна. – Невозможно не любить то, что ты понимаешь.

– Математику я понимаю, но не люблю! – упёрлась Арина.

– Ты её знаешь. Возможно, – с той же понимающей улыбкой добавила репетиторша. – Ну серьёзно, ты понимаешь, что такое синус, тангенс, производная, интеграл?.. Что они означают физически? Для чего нужны? «Знание» – не равно «понимание».

Она не ненавидела Арину.

Возможно, и Милену, хотя тут Герман уверенности не испытывал. Он с трудом представлял, как можно не ненавидеть Милену.

– Почему вы думаете, что Арина не сможет сдать экзамен на тройку? – полюбопытствовал он. То, что дочь хоть где-то будет встречаться с человеческим общением, вдохновляло.

Он бы и сам не прочь бы время от времени общаться по-человечески.

Конечно, у Юлии Игоревны наверняка полно тараканов. Вон у неё какой тут юннатский рай! Наверняка и в черепной коробке она разводит что-нибудь экзотическое.

У Летова даже мелькнуло желание узнать, что.

Но быстро потухло.

Ему только чужих тараканов сейчас не хватало...

– Я не говорю, что не сможет. Но это будет сложно. В который раз повторяю, и каждый раз ученики думают, что это преувеличение: придётся много работать. Это будет скучно. Это будет трудно. Нужно думать. Мозгами. Ломать привычные модели поведения. И никто этого не сделает за тебя, Арина.

Дочь смотрела на свои листочки. Кажется, искала там какую-то подсказку. Намёк, как можно обойтись без всего этого. Может, какое-то волшебное заклинание. Потом посмотрела на отца. Во взгляде читалось: «Папа, пойдём к другому репетитору? У которого всё будет проще».

– А если Арина всё-таки справится, вы позволите ей ис-

купать свою улитку? – решился Летов на крайние меры.

– Если Арина сдаст экзамен на положительную оценку, я даже позволю ей пострелять из своего арбалета! – пообещала Юлия Игоревна, подтверждая, что тараканы у неё о-го-го!

– У вас есть арбалет? – Дочь, кажется, не понимала, как на это реагировать.

– Да, – тоном «а как же!» подтвердила та, будто арбалет – неременный атрибут любого репетитора по биологии, и скрылась за дверью в соседнюю комнату.

Вернулась она оттуда с арбалетом.

Больная.

– А он настоящий? – осторожно поинтересовалась Арина.

– Самый что ни на есть!

Герман не был фанатом оружия, но это, безусловно, покупали не в «Детском мире».

Холодный пот выступил на руках.

– А им убить можно? – продолжила выпрашивать дочь.

– Убить можно чем угодно, Арина. Даже словом. – Юлия Игоревна торжествующе посмотрела на Летова.

Это был конец. Вот теперь это был конец. Если Милена узнает, что он привёз дочь к бывшей классной, у которой дома есть настоящий, пусть и спортивный, арбалет, это будет всё.

В глазах жены это будет выглядеть стопроцентным покушением. Герман привёз доченьку на заклятие.

Нужно было уходить сразу. Как репетиторша и предлага-

ла.

– Я сдам экзамен! – неожиданно заявила дочь.

Летов перевёл взгляд с оружия на неё.

Что там вообще в голове происходит?

– Арина, если ты дважды не выполнишь домашнюю работу, я прекращу с тобой работать. Говорю совершенно серьёзно. Твой папа пообещал в этом случае больше меня не беспокоить. Вы же обещаете, Герман Рудольфович? – таки вспомнила репетиторша о том, что Летов ей ничего не обещал.

Какая дотошная.

Но по сравнению с висящим над головой арбалетом жалкая клятва ничего не стоила.

– Да.

– Полным ответом. – Репетиторша явно наслаждалась тем, что владеет ситуацией.

– Обещаю, что мы не будем вас беспокоить, если Арина не выполнит две контрольные.

– ...или напишет их хуже, чем на «удовлетворительно».

– Или напишет их хуже, чем на «удовлетворительно», – сдался Герман.

– Что ж. Тогда я жду вас в среду в это же время. До свидания.

Глава 7. Долгая дорога к дому

Герман

Арина спускалась притихшей и задумчиво вела пальцем по подъездной стене. Герман тоже не ощущал в себе сил на разговоры.

Так они и сели в остывшую машину.

Летов тронул с места и включил радио. Работала та самая волна, на которой его слушала дочь – из динамиков лилась забористая русская попса. Она неплохо заполняла тишину в салоне.

– Папа, у неё правда настоящий арбалет? – нарушила её Арина, и в стенки черепной коробки Летова судорожно забили мысли: что отвечать?!

– Если тебя интересует, стреляли ли из него современные Робин Гуда, вынужден тебя разочаровать, – технично ушёл он от прямого ответа.

– Нет, ну видно же, что новодел! Я не об этом. Ну, он настоящий или игрушечный? Из которого стрелами на присосках стреляют?

– Из арбалета стреляют болтами. – Герман всё ещё надеялся увести разговор с опасной темы, хотя понимал, что вряд

ли это удастся.

– Очуметь! Это, типа, «поболтать»? – скаламбурила Арина.

Герман пожал плечами. Он по-прежнему не мог понять реакцию дочери.

– Па, а ты мне купишь арбалет?

Соблазн сказать: «Куплю, если ты не расскажешь маме, у кого его видела», был нестерпимым.

– Когда тебе исполнится восемнадцать.

Арина скорчила недовольную физиономию.

Летов просто не успевал за перепадами её настроения.

– К тому же иначе весь воспитательный эффект пропадёт, – напомнил он.

Дочь сморщила носик «свинкой». Или кем-то ещё, кто ж её знает, кого она изображала.

– Давай куда-нибудь заедем поужинать? – пришла в голову Герману гениальная идея. И решить проблему питания, и обсудить некоторые, скажем так, нюансы сегодняшнего вечера. – У тебя как с уроками на завтра? – включил он «родителя».

Конечно, интересоваться нужно было раньше. Желательно, ещё до поездки к репетитору. Но лучше поздно, чем никогда. А то несерьёзно выходит. Где родительский авторитет? Герман, можно сказать, только начал его зарабатывать. И всё так сразу спустить...

– Нормально! – отмахнулась Арина, из чего Летов сделал

вывод, что ничего не сделано, но это вообще не проблема. А если и проблема, то привычная. – Куда поедем?

– А ты куда хочешь?

– Давай в пиццерию!

Фастфуд.

После восьми.

Ровно в два раза вреднее, чем нужно. Но установление контакта с дочерью требует жертв. К тому же по сравнению с тысячами безвозвратно утраченных за этот вечер нервных клеток, что та пицца? Так, жалкий пинок в печень.

Пока дочь делала заказ через приложение, Летов построил в навигаторе маршрут к точке, что была по пути к дому. Пока доехали, заказ был уже готов.

Несмотря на довольно позднее время, в кафе было много молодёжи. Многие сидели компаниями, но тихо. Культурно. Каждый в своём телефоне.

Пицца оказалась очень даже ничего. Вопреки ожиданиям. Обычно Герман брезговал такими забегаловками, но, может, и зря. Пока никто не видит, можно заказывать. Изредка.

– Я хотел с тобой обсудить то, что сказала Юлия Игоревна, – перешёл он к делу.

– Она много чего сказала, – напредила дочь и шумно всосала через трубочку коктейль.

– Ты не хочешь сменить экзамен?

– С чего бы? – возмутилась Арина.

– С того, что это самый сложный предмет. Ты же слышала.

– Ой! Да я всё выучу! Ещё куча времени! – Она взяла очередной кусок пищи.

Угроза разборок с мамой миновала, и дочурка расслабилась. Определённо, «злобная биологичка» пугала её куда меньше, чем Милена.

Германа так однозначно.

Мобильный Арины зазвонил, она быстро вытерла салфеткой пальцы с наращёнными ногтищами и достала телефон из сумки.

– Ма, привет! – прощебетала радостно, и сердце Германа рухнуло к пяткам.

Он вышел победителем из схватки с репетиторшей и дочерью, но впереди предстояла битва с главным злодеем Лукоморья. И прямо сейчас это чудовище несло на Летова со скоростью Сапсана.

Ещё и арбалет!..

– Я? Мы с папой в кафе. Нет, просто заехали поужинать. Ну как: ехали, ехали и заехали. Да. Да, конечно, были. – Здесь Арина сделала паузу, выслушивая маму. – Ну как? Нормально. Пробник написала. Папа проверял. Сам. Нормально написала. Как-как, ручкой! – Арина весело рассмеялась. – Нет, нормальная. Не орёт. Зовут?..

На целых две секунды сердце Германа перестало биться. Он мысленно простился с жизнью и гадал лишь об одном: она сейчас сюда рванёт или всё же до дома подождёт? На всякий случай лучше сворачиваться. Публичные скандалы

Летов не выносил куда сильнее, чем скандалы просто.

– Слушай, ма, – вдруг воскликнула дочь. – Пока не забыла: мама Лизы просила у тебя контакт косметолога, которая тебе... – Тут она замолкла, внимательно слушая родительницу и кивая головой.

Герман должен был признать: психолог из дочери получился отличный. Манипулятор – ещё лучше. А какая шантажистка!

– Нет, конечно, мы не долго. Сейчас доедим пиццу. Тебе привезти пару кусочков? Хорошо, возьмём.

Тут Летов чуть чаем не подавился. Милена будет есть пиццу?

Прямо сейчас?

Разумеется, свежая вкуснее. Но сам факт!

– Пока-пока! – весело попрощалась дочурка, и Герман почувствовал, как был напряжён всё время разговора.

Арина положила телефон на стол и вернулась к недоеденному куску.

– Мама просила ей пару кусочков захватить. Здесь можно попросить для них коробочки, – весело покачивая головой из стороны в сторону, поведала она.

Будто только что не врала матери.

Хотя, если вдуматься, она не врала. Всего лишь виртуозно прошла по грани.

– Па, а давай пока не будем говорить маме, что я у Гордевой буду заниматься? – предложила Принцесса, пристально

глядя в глаза отцу.

Девочка выросла.

– Как ты себе это представляешь? – Летов очень старался, чтобы его ухмылка выглядела лёгкой и непринуждённой.

– Пап, ну ты же можешь уйти от темы? А я, если что, скажу, что репетитора зовут Юлия Егоровна. Ну оговорилась, па?..

– Арин, может, лучше поменяем учителя? – Летов дёрнул бровью.

Сейчас это решение казалось самым лучшим.

В конце концов, целей он достиг. Дочь построил. Училку прогнул. Чтобы жене подгадить, может ещё компенсацию выплатить.

Отличный, высокоточный, технологичный плевок.

Репетитора только придётся нового искать...

– Не, она норм, – неожиданно возразила дочь.

– Чего ж ты с нею воевала?

– Глупая была, – пожала плечами она. – Подростковый возраст, и это всё...

Хотелось насмешливо выдать: «А теперь умная?», но в который раз за вечер Герман поймал себя на вопросе: что происходит у неё голове? Какие калькуляторы пиликают? Насколько там всё перемешано: доверчивость перед мошенниками и умение врать, глядя в глаза родным.

– Так-то с ней весело было, – продолжила делиться Арина.
– Со мной в классе полгода потом не разговаривали некото-

рые, когда она ушла.

– А почему тогда не отстояли, раз она такая хорошая была?

– Пап, ну наша мама – не тот человек, с которым можно спорить, – по-взрослому, явно копируя чьи-то интонации, ответила дочка.

– А мама с ней что не поделила?

– Я-то откуда знаю? – изобразила недоумение Арина.

Врёт? Бойтся, что Герман будет обвинять? Или действительно не знает, на чём Милену закусил?

Дочь предлагала войти в сговор и на какое-то время отодвинуть неизбежное объяснение с женой. Это имело смысл. Если дочь завалит занятия, как считает Гордеева (Герман теперь и фамилию её вспомнил, звучала такая в их доме не раз, но Летову было не до того), то какой смысл в лишнем скандале? Если учёба внезапно пойдёт в гору, то будет веский аргумент в пользу выбора.

С какой стороны ни посмотри, Арина права.

Если закрыть глаза на то, что Летов одобрял и поддерживал её ложь.

Глава 8. О боже, какой мужчина!

Юля

Дверь за Летовыми закрылась. Юля бросила на себя взгляд в зеркало: настоящая лахудра! Волосы растрепались. Губы не накрашены...

Да вообще почти ничего не накрашено. Так, бровки-реснички в режиме «кэжуал».

Ужасно.

Захотелось закрыть лицо руками.

Гордеева выдохнула.

Боже правый, какие глупости приходят ей в голову! Какая ей разница, что думает о ней женатый мужчина? Тем более – муж Милены Летовой.

Самое лучшее, что можно сделать рядом с супругом Милены Олеговны – надеть паранджу. А то вдруг той покажется что-нибудь аморальное?

А ей без вариантов покажется.

Удивительно даже, как она спустила супруга с короткого поводка? Страшно подумать – к незнакомой репетиторше! А если бы его здесь обесчестили?

Конечно, в присутствии дочери это сделать сложно...

Но ведь была, была возможность! Пригрозила бы своим холоднострельным оружием...

Надо же, куда её понесло.

Долгое воздержание до добра не доводит.

Зато на какое причудливое зло подбивает!

Юля усмехнулась. Мечтать не вредно.

Но бессмысленно.

Гордеева отправилась в кухню. Под просмотр научпопа она разогрела ужин. Задержалась, конечно. Но что поделаешь, если с пяти вечера ученики один за другим? Только кофе можно себе позволить, чтобы голосовые связки не стереть о гранит науки. Теперь ещё и до девяти продлила удовольствие.

Зря она согласилась.

Нужно было настаивать.

Но сложно говорить «нет», когда на него упорно твердят «Но может всё же „да“?».

Единственное, чем себя успокаивала Юля, – Милена о ней ещё не знает. Встреча была неожиданной не только для Гордеевой, но и для визитёров. Это было очевидно из реакции обоих. Как на новость отреагирует госпожа Летова – большой вопрос. Это у Германа Рудольфовича выдержка, как у хорошего коньяка. А Милена Олеговна – как болид Формулы-1, заводится с пол-оборота.

Ну и хорошо. Пусть они там выясняют, кто кому что должен.

Гордеева надеялась, что решение будет принимать мать семейства, и она решит не подпускать такую дрянь, как Юля, к её целованной в попу доне.

Правильнее было бы отпустить эту тему на самотёк: как сложится, так сложится, и лучше, чтобы не сложилось. Но вместо этого Юля пыталась себе представить, как же они там обсуждают в семейном кругу. Как Герман Рудольфович убеждает супругу. Как терпеливо выслушивает. Как пытается воззвать к разуму...

Что-то слишком много в её мыслях господина Летова.

Не пора ли бы Юлии Игоревне баиньки?

* * *

Утром Гордеева тоже нет-нет да ловила себя на том, что прокручивает сцену общения с Летовым в прихожей. Не нужно было показывать, как больно по ней ударила ситуация с уходом из школы. Нельзя демонстрировать хищникам уязвимые места. И вообще...

Утренние дела шли своим чередом: раздать корм, полить по мере надобности цветы...

Мобильный был тих и непоколебим вибрациями, как погост в безветренную ночь, хотя Юля ждала отказа. Возможно, после вчерашних разборок в семье Летовых просто ни-

кто не выжил...

Или они решили отвалиться по-английски.

Гордеева заглянула в холодильник и осознала необходимость посещения магазина. Того, что там было, не хотелось. Хотелось себя порадовать – после такого стресса! Она собралась и, водрузившись на верного Буцика, поехала в гипермаркет. Юлю всегда успокаивал квест по закоулкам из стеллажей и холодильных ларей. Можно бездумно пялиться на ряды товаров, подмечая на всякий случай: вдруг когда-нибудь для чего-нибудь...

– Гордеева? Привет! Как дела?

Юля вздрогнула и вывалилась из своих мыслей в реальность, где её поджидала Ольга Полушникова – учительница технологии из той самой гимназии, где Юля честно отпахала шесть лет, пока работа не стала невыносимой. Ольга окончила вуз на пять лет раньше. За это время она успела выйти замуж, родить ребёнка и разойтись. Именно с такой Ольгой – потрёпанной, но не сломленной матерью-одиночкой – Юля и познакомилась, когда та вышла из отпуска по уходу.

Полушникова за время, что они не виделись, слегка раздобрела, но была бодра и энергична. Она вообще относилась к категории неунывающих героинь.

– Привет, Оль. Рада видеть. Как ты?

– Да как я? – отмахнулась та, пфыкнув, как темпераментная кобылка. – Что у нас изменится?

Взгляд Юли произвольно скользнул по рукам собесед-

ницы. Обручальных колец там не прибавилось, поэтому задавать вопросы о личной жизни Гордеева не стала.

– Как дела в школе? Нина Васильна всё у руля? Не отправили на пенсию?

– Куда ж она денется? Она же памятник. Кто же её посадит?

Громогласная директриса внушала страх всем: учителям, родителям, детям... Учителям, правда, больше, чем остальным. Потому что – а что она им сделает, кроме как наорёт? Учителя – другое дело. Педагоги – люди подневольные, связанные трудовой дисциплиной и сотней обязанностей, выполнить которые невозможно, но за невыполнение запросто попасть под выговор. Много нехорошего может сделать директор учителю, если невзлюбит.

Родители как люди независимые часто жаловались на директора в городское управление образования и возмущались, почему её не снимают.

Так потому и не снимают.

Потому что Нина Васильевна, женщина старой закалки, с бронёй, как у Т-34, служила прекрасным буфером от родительских нападков, далеко не всегда справедливых.

Или совсем несправедливых, чего уж.

Так что сидеть Нине Васильевне ещё на своём троне – не пересидеть.

– А ты как? Не скучаешь по школьным будням? – подмигнула Ольга.

– Нет-нет! – припомнились Юле слова Летова о крепостном праве. – Мы уж как-нибудь так. Гребём потихоньку лапками.

– Хватает на жизнь? – не удержалась от финансового вопроса Полушникова.

Юля покрутила ладонью шарики-фонарики. Не любила хвастаться. Чтобы удачу не спугнуть.

– Слушай, кого я вчера видела! – Не поделиться этой новостью Юля не могла. Хотя кто-то оценит ситуацию по достоинству! – Ко мне же вчера Арина Летова заявила с папшей, представляешь!

– О-о-о! – сладострастно застонала Ольга, вспугнув щупленького мужичонку неподалёку. – Какой мужчина! О боже, какой мужчина!

– А ты-то его откуда знаешь? – Оказывается, вся школа знакома с господином Летовым, и только Юля его видела в первый раз.

– Он к Васильне ругаться недавно приходил. За столовку. И на нагрузку: типа, детям же к экзаменам нужно готовиться, а не рефераты до полуночи писать. И почему им маникюр с макияжем запрещают, что за сталинский совок, когда двадцать первый век на улице. И напоследок, что учителя по английскому нужно сменить. Что-то его в произношении не устроило. Сорок лет Вера Павловна проработала, всех её артикль «де» устраивал. А тут вдруг нарисовался Летов на лихом коне и давай шашкой махать! – посмеивалась Ольга.

– Надо же, какой заботливый родитель. А меня за три года классного руководства так ни разу визитом и не удостоил.

– Ну ты сравнила: молодую симпатичную себя и старую маразматичку, которая орёт, как Соловей-разбойник. У Васильевны на госпожу Летову аллергия. При одном виде включается такая сирена, что звуковой волной сносит! Понятно, почему она бывшего муженька прислала.

– Бывшего?..

– Ой, да они же в прошлом году разошлись! Летова к каждому учителю подошла и по секрету поделилась, что Ариночка очень тяжело переживает развод. Так переживает, так переживает... – Оля сложила руки свечкой и трагически покачала головой. – Не смейте огорчать! Быстренько пятёрочки в Дневник.ру нарисовали, а не то она жаловаться пойдёт на нарушение педагогической этики. Все так радовались за супруга... Как же она его, такого, отпустила?

Гордеева пыталась вспомнить, было ли у Летова кольцо на пальце, но никак не могла. Ей вообще не до колец и не до пальцев тогда было.

– Так что мужчина свободный. Хоть сейчас за ноздри и в койку, – поделилась фантазиями коллега.

– Ага. У него наверняка отбор в койку такой, что конкурс в МГУ нервно курит от зависти.

– Эх. Что ж ты на корню-то все планы рубишь! Нет в тебе сострадания к ближнему своему!

Юля улыбнулась:

– Как дочка?

Родители о своих детях могут рассказывать часами. Поэтому минут через пятнадцать Юля, взглянув на часы, откланялась, сославшись на дела.

То, что Летовы развелись, объясняло вчерашний визит.

Но мечтать о ноздрях и койке ей всё равно не следовало. Хотя и очень хотелось. Зачем себе-то врать? К тому же – ну приехал он раз, наладить мосты. А дальше его дело только деньги переводить. Хотя большинство учеников прекрасно справляются с этим занятием самостоятельно.

И всё же Гордеева с волнением ожидала вечера среды.

Арина пришла.

Вела себя на удивление спокойно. Даже уныло. Юля обычно начинала занятия с общей биологии как базы. Но в этот раз, учитывая эфемерную мотивацию ученицы, решила стартовать с человека. Но как ни крути, без цитологии никуда. Пришлось повторять клетку. А клетка – это совершенно абстрактно, потому непонятно и неинтересно. Как Юля и подзревала, эта тема, которую в школе проходили многократно, не оставила следа в хорошенькой голове Арины Летовой.

И у Юлиных учеников она задерживалась в мозгах не с первого раза.

Однако девочка кивала головой, пыталась делать вид, что думает. В общем, обычная ученица, как и большинство из тех, кто к Гордеевой приходил. Просто как правило у Юли было два года, чтобы что-то из них выковать.

После занятия Гордеева обнаружила смс о зачислении денег – сумма была, как Летов и обещал, двойная – и отправила ссылку на домашнюю работу по пройденной теме.

Следующее занятие состоялось в воскресенье.

Домашку Арина, как и ожидалось, не выполнила, сказавшись больной, хромой, беспомощной и загруженной в связи с выпуском и подготовкой к пробному сочинению.

Юля кивнула. В общем-то, всё идёт по сценарию. Ничего нового.

И, тем не менее, рассказала об эпителии и мышечных тканях. Здесь Арина немного оживилась. Уходя, пообещала, что сделает всё.

До следующей среды – мамой клянётся.

Вечер вторника катился к концу, угрожая вот-вот перейти в ночь.

Гордеева смотрела на телефон.

Если Арина придёт без домашки, Юля её развернёт. Сто процентов.

А она, скорее всего, придёт. Не назло, а потому что, если есть возможность не делать, зачем же делать?

Больше половины учеников осознавали, что все предупреждения были правдой, только на экзамене. До этого упорно считали, что всё знают и легко справятся – со шпорами, телефонами в туалете и другими приспособами и хитростью ума. А репетитор – это просто для успокоения родителей.

Дать шанс или нет?

Всё же договаривалась она не с Ариной, а с Германом Рудольфовичем. Будет не совсем честно поставить его перед фактом.

Юля открыла мессенджер, нашла всё ещё безымянный контакт, с которым переписывалась по поводу первого занятия, и настучала: *«Здравствуйте. Хочу предупредить, что если до завтрашнего занятия Арина не выполнит обе домашние работы, наша с вами договорённость будет расторгнута»*.

Глава 9. Гром не грянет...

Герман

Вечер понедельника Герман провёл как на иголках, ожидая расспросов о новом репетиторе. Но, на удивление, Милена за разъяснениями не лезла. Видимо, те косметические процедуры, о которых так внезапно умолчала в телефонном разговоре Арина, стоили достаточно, чтобы тему не поднимать.

Любым способом.

Великая штука – информация, которая правит миром. Сегодня Арина использовала её, чтобы заткнуть рот маме. Завтра – нагнёт папу угрозой рассказать маме, кто её репетитор.

Но завтра ещё не наступило. Когда наступит, тогда Герман и будет решать завтрашние проблемы.

Но и на следующий день тема не поднималась. Более того, Милена старалась не появляться лишний раз на глаза супругу. Возможно потому, что её адвокат подал ходатайство о предоставлении банковских выписок со счетов Германа.

После этого любая встреча с женой была лишней.

В общем, не до репетитора по биологии было Герману. Деньги по напоминалке он перевёл, Арина приехала домой

живая и здоровая, жаловаться не прибежала – значит, события развивались по намеченному плану. Поэтому сообщение во вторник вечером стало для Летова сюрпризом.

Вообще, что она так до этих домашних докопалась?! Герман как раз принимал решение по довольно рискованному фьючерсу, и все посторонние глупости сильно раздражали. Однако, вернувшись домой, он зашёл в комнату дочери. Та качалась в кресле-кокроне носом в мобильном.

– Арина, ты сделала домашнюю работу? – строго спросил Летов.

– А? – переспросила дочь, вынув из уха наушник. – Да.

И сунула наушник обратно, видимо, считая, что разговор закончен.

– А биологию?

Повторив процедуру, она ответила:

– Биологии у нас завтра нет.

– А репетитор?

– Ну это я завтра сделаю! – традиционно отмахнулась

Арина.

– Ты помнишь, что Юлия Игоревна говорила о домашней работе и занятиях? Ты одну уже не сделала.

– Пап, ну что такого? Потом нагоню!

– Арина!

– Пап, я завтра всё быстренько сделаю. Ну там тык-тык-тык. У меня уже шарики за ролики заезжают после русского.

Дочь снова проделала ту же процедуру с наушником, жадно пялясь на черноволосую тётку на экране.

– Арина, выполни работу. Сейчас, – с явным предупреждением в голосе процедил сквозь зубы Герман.

– Через пятнадцать минут. Я досмотрю.

– Арина!

– Ладно, ладно... – суксилась дочь, сморщив лицо в куриную попку.

Если она рассчитывала на то, что отцовское сердце дрогнет, то зря. Дрогнула рука, потянувшись к ремню. Но опустилась на место.

Удовлетворившись победой, Летов отправился в кабинет.

Кружка вечернего чая уже стояла на столе, когда телефон Германа вжикнул вибрацией. От репетиторши прилетела картинка.

«Красными – неправильные ответы, жёлтыми – частично правильные, зелёными – верные, – стояла подпись под ней. – Работа написана на два».

«Позвольте, Юлия Игоревна, правильных ответов – почти треть. И частично правильных почти столько же. „Удовлетворительно“ здесь определённо есть», – лениво возразил Летов.

«Герман Рудольфович, мы с вами не на уроках, где главное – отсидеть. Проверочная показывает, что Арина не усвоила тему. А ей с этой темой выходить на экзамен. К которому от выученного у неё останется в лучшем случае половина.

Это неуд. Если вторая работа будет выполнена так же, в среду ваша дочь может не приезжать».

Да эти бабы сговорились, блин, все – его бесить!

Герман оторвал от стула потяжелевшее к вечеру седалище и направился к дочери.

Та, ожидаемо, качалась в коконе, прекрасная в своей безмятежности.

Она всё напишет! Всё сделает! Взрослые нужны только для того, чтобы создавать проблемы там, где их нет в помине!

– Арина, ты написала работу на «неудовлетворительно», – уведомил Герман.

– Пап, нормально я всё написала! Я же говорила, что она будет придирааться!

– В данном случае я согласен с репетитором. – Летов придал голосу суровости.

– Да её невозможно написать нормально! – возмутилась дочь. – Там тема совершенно ненормальная.

– Хорошо. У тебя есть вторая работа. Постарайся. – Последнее слово он сказал особенно выразительно.

Повторив пантомиму, Арина направилась к столу.

Герман оставил дверь открытой в качестве безмолвного «Я за тобой наблюдаю» и пошёл на кухню. С бутербродом и свежей порцией чая он снова прошёл мимо дочери и заглянул проверить, как дела. Та сидела на страничке с заданиями и пытала над решением. Герман уже собирался восвояси,

как на звук Арина обернулась и быстренько переключилась в другую вкладку, издалека – один в один. На чём и погорела.

Не наработала пока жизненного опыта: не суетись под клиентом. И тем более – перед ним.

Герман двинулся на дочь с видом Джека-Потрошителя.

– И что ты там закрыла? – вкрадчиво спросил он.

– Ничего. Так. Проверяла кое-что. Смотри. – С видом бывалой врушки она переключилась в соседнюю вкладку того же ресурса. – Просто разбираю теорию.

Герман кивнул и собирался уходить, как в его голове совместилось содержимое одной страницы и другой.

– Так. – Он поставил свою ношу на стол и забрал у дочери мышку.

Переключился в первую. Потом во вторую. Во второй действительно была теория.

И правильные ответы.

– Арина, ты ничего не хочешь мне объяснить? – Герман склонил голову набок.

– Папа, я разбиралась! Ну правда! Почему ты мне не веришь!

– Оскар твой. Можешь забирать с полки. Теперь объясни мне, почему ты не решаешь сама.

– Это очень сложно, – поджала губы Принцесса.

На горошине.

Летов молчал, ожидая, что будет дальше.

– Я вообще ничего не понимаю! – закончила дочь.

– Ясно.

Как ни неприятно это было признавать, но жена была права.

А заведующая кафедрой – нет.

Видимо, всех хороших специалистов и правда разобрали.

Герман набрал госпожу Гордееву, чтобы сообщить ей неприятнейшее известие.

– Здравствуйте, Юлия Игоревна, – начал он, намереваясь оторваться за весь свой полетевший коту под хвост день. – Вынужден сообщить, что мы ошиблись с выбором!

– Добрый вечер, Герман Рудольфович, – радостно ответила репетиторша. – Счастлива, что мы сошлись во мнении. Приятно было познакомиться.

То есть как «счастлива»?! Вообще-то, в представлениях Германа, сейчас Гордеева должна была испытывать вину и горечь разочарования! А не вот это всё.

– А мне – неприятно. Я надеялся, что моя супруга ошиблась в вас.

– А она не ошиблась? – В тоне собеседницы зазвучала сталь, упоением отзываясь в душе Летова.

– На мой взгляд, самый неприятный тип педагога – тот, который даёт одно, а требует совершенно другое! – припечатал он.

– О-о-о! – насмешливо протянула Гордеева. – И на основании чего вы делаете вывод, что я спрашиваю не то, что даю?

Дзынь. Дзынь. Шпаги противников схлестнулись в смертельной схватке.

– Арина ничего не вынесла из ваших занятий!

– Ну знаете! – фыркнула училка. – Учёба – дело такое. Один приносит гранит науки, другой должен его взять и – вынести! – Она сделала дурашливо-восторженный акцент на последнем слове.

Дзынь. Дзынь.

Натянутая струна души дрожала от предвкушения битвы.

– Объяснять нужно просто лучше!

– А я плохо объясняю?

– Да!

– Вот на самом деле я очень надеялась, что вы откажетесь. Помните? «Нервы. Свободное время». Но когда меня обвиняют в некомпетентности, причём совершенно необоснованно, – это задевает. Давайте проведём эксперимент. На следующее занятие вы приедете вместе с Ариной. И после этого оба попробуете выполнить тест. И проверим, в чём дело: в моём неумении объяснять или в неумении Арины учиться?

Самое время было сказать: «Спасибо, нет. Мы уже дали вам шанс, вы его проимели. За мои деньги». Но для этого нужно было иметь холодную голову.

А у Германа прямо сейчас она была горячая.

– У меня нет времени на ваши занятия!

– Разумеется. Потому что на самом деле вам глубоко плевать на вашу дочь. Прощайте.

– Если бы мне было плевать на дочь, я бы с вами не говорил!

– Нет, вы бы со мной не говорили, если бы не ваше уязвлённое самолюбие!

– Уж не думаете ли вы, что мне есть дело до вашего мнения о моей особе?

– Нет, вам есть дело только до вас. Про...

– Я приеду. – Герман подскочил из кресла и широким шагом дошёл до противоположной стены. – Хорошо. Я приеду! Посмотрим, что вы там такого невозможного покажете!

– Герман Рудольфович, давайте просто попрощаемся.

– Ну уж нет! Раз вы пообещали шоу «Репетитор года» – не могу отказать себе в удовольствии его посетить!

– Как вам будет угодно. Жду вас с Ариной завтра к восьми.

В трубке раздались гудки.

Какого хрена?!

Но на сердце разливался жар схватки.

Тепло удовлетворения.

Пусть репетиторша по женской привычке оставила последнее слово за собой, но битву выиграл он.

Герман определённо её выиграл!

Правда, хотел он совершенно другого...

Глава 10. Всё дело в нервах

Герман

Уже утром вчерашний выигрыш таковым не казался. Герман так и не избавился от репетиторши, которая не оправдала надежд. И даже особо не пристыдил. Конечно, Арина – не подарок. Это понятно. Но на то Гордеева и педагог, чтобы уметь мотивировать. Она педагогический вуз оканчивала. Её наставляли, как сделать так, чтобы дети хотели учиться. И учились хорошо.

Его вот учили делать деньги. Он их и делает. Вполне успешно. Из воздуха практически. Герман же не требует от клиентов, чтобы они очередь на опцион заняли? Нет. Как-то сам справляется.

А Юлия Игоревна почему не может?

Летов ей платит.

За трудного ребёнка – по двойной таксе.

Могла бы и постараться. Придумать что-нибудь. А не перекидывать проблемы на родителей. Достаточно того, что его обязали раскошелиться за пресловутое бесплатное образование. Средства у него, конечно, есть. Не последнюю копейку от сердца отрывает.

Но для чего тогда нужна школа?

Куда катится мир?!

Летов, конечно, знал, куда. У него даже были версии, почему. Но он-то здесь при чём? Герман уже совершал один подвиг в этом месяце. Выполнил отцовский долг: нашёл репетитора. А теперь его вынуждали совершить второй, ещё менее запланированный, чем первый.

В его личное время.

И за его же деньги.

Это удручало.

Нет, конечно, Юлия Игоревна – дама приятная. Но не настолько, чтобы Герман козликом скакал от одного счастья с нею повидаться. Он вообще забыл, когда в последний раз скакал от счастья.

Хотя «козликом», безусловно, был.

Мрачный декабрь с нависшим серым небом и ранними сумерками; дом, который не давал больше ничего, кроме раздражения и его ожидания; семейные неурядицы при фактическом отсутствии семьи – всё это создавало ощущение какой-то перманентной безнадёги. Витаминов попить, что ли? Нутриентов всяких...

Германа немного взбодрила ситуация с «прогибанием» репетиторши в их первую встречу.

И вчера, сорвавшись, он получил какое-то облегчение.

Но уже сегодня не чувствовал в себе сил бороться и доказывать. Ехать никуда не хотелось. Тем более – возвращаться

за парту, чтобы спустить в унитаз целый час своей драгоценной жизни. Не считая дороги. Если бы поездка не оттягивала необходимость искать нового репетитора, Герман, наверное, послал бы это мероприятие к чертям собачьим. Но от одной мысли о новом витке квеста «найди Макаренко для дочки» у Летова начинали ныть зубы.

* * *

Арина, которая при эпическом разговоре отца с Гордеевой не присутствовала и понятия не имела, до чего и как они договорились, садилась в машину притихшая, словно растерзанная кошкой мышь. В её голове явно крутилось своё кино на тему происходящего, и Герман не торопился в него лезть. Пусть проникнется и осознает.

Юлия Игоревна встретила Летовых, как настоящая училка. Что там училка – чистая завучиха, если не директриса. В глазах – праведный огонь, в руке – невидимый, но осязаемый меч-кладенец, несущий кару всем дебилам. Где-то в Вальхалле рвался из стойла её крылатый конь. Гера даже на минутку почувствовал холодок в районе копчика. Но вовремя вспомнить, что ругаться здесь собирался он.

Однако холодок взбодрил, впрыснув в кровь адреналин, и разогнал хандру. Окружающий мир внезапно обрёл ясность

и чёткость, цвет и запах. А Юлия Игоревна с волосами, собранными в стервозный пучок, и поджатыми губами очень не вовремя пробудила либидо. Герман о подобных своих сексуальных фантазиях если и знал, то давно забыл. А здесь вдруг вштырило так, аж в ушах зашумело.

Он поспешил сесть в кресло и накрыться снятым с плеч пиджаком. По идее, на расстоянии Летову должно было полегчать. Но в таком ракурсе, когда он смотрел на Гордееву снизу вверх, а она стояла с прямой спиной, будто кий проглотила, и такой задницей... Нет, в мозгах не полегчало.

Ниже пояса тоже.

Арина, далёкая от страданий отца, устроилась за ученический стол. На нём стоял открытый ноутбук со слайдом на весь экран: «Нервная и соединительная ткани». Рядом с ним, ближе к окну, располагался флипчарт, призванный, видимо, имитировать классную доску.

Неловко выйдет, если его к этой доске сейчас вызовут.

Пока дочь вытаскивала из рюкзака тетрадку и пенал, Герман попытался стряхнуть с себя морок.

На училок в очках у него ещё не вставало.

Тем более – не взлетало.

– Сегодня мы продолжим разбирать ткани человека. Арина, какие типы тканей ты помнишь?..

Летов краем уха пытался фиксировать информацию, но пока больше усилий уходило на контроль шевеления в нижнем мозге.

– ...Нет, нервная ткань относится к полидифференцированным, то есть состоит из разных видов клеток, – возражала Гордеева на ответ Арине.

– В смысле? – в миг «протрезвел» Герман, преисполненный негодованием. – Нервная ткань состоит из нейронов!

Это даже он помнил. Со школьной скамьи.

– Да, нейрон является важнейшей клеткой нервной ткани, – закивала училка. – Но не единственной. Ещё есть разнообразные клетки нейроглии. Одни борются с вирусами и бактериями – ведь внутрь нервов не могут просочиться клетки иммунной системы. Им мешает гематоэнцефалический барьер. Другие глиальные клетки играют роль арматуры и участвуют в обменных процессах. Самые интересные третьи, они создают миелиновую оболочку. Это как изоляция на проводах. Как ты думаешь, Арина, какой длины могут достигать самые большие клетки человека?

– Сантиметр? – смело предположила дочь.

Юлия Игоревна помотала головой и взглянула на Германа.

– Больше или меньше? – уточнил тот.

– Больше.

– Пятнадцать? – пошутил Летов. В голову лезла всякая пошлятина.

– Мало! – многозначительно ответила Гордеева, дёрнув бровями.

– Двадцать пять?

– Значительно больше, Герман Рудольфович! Метр. Аксон, длинный отросток нейрона, может тянуться целый метр, от стопы до позвоночника, например. Арина, ты представляешь, как передаётся нервный импульс?

Дочь помотала головой. Герман тоже никогда на эту тему не задумывался.

– У нейрона на наружной стороне мембраны накапливаются положительные ионы, а внутри – отрицательные. Когда клетка возбуждается, открываются встроенные в мембрану каналы, и по ним катионы движутся внутрь. Создаётся ток. Электрическим полем активируются соседние участки мембраны. – Гордеева рисовала маркером движение плюсов и минусов. – Я понятно говорю?

Герман кивнул. Непонятно, к чему, но понятно.

– У маленьких детей импульс передается медленно – по меркам организма. Скорость составляет всего один метр в секунду. – Юлия Игоревна запечатлела скорость на доске. – Кроме того, представь, в земле лежит неизолированный провод, по нему пустили ток, и ты стоишь на этой земле босиком. Что будет?

Училка смотрела на Арину, хотя на такой вопрос и Герман знал ответ. Хоть руку поднимай.

– Будет больно? – предположила Арина.

Гордеева закивала:

– У младенца нейроны изолированы очень слабо. Когда у него случаются колики, сигнал боли разливается по всему

организму, как ток по земле. У него болит всё. Но потом на помощь приходят клетки нейроглии. Они обёртываются вокруг аксонов, укладываясь одна за другой. Это и есть миелиновая оболочка. Вот смотрите. Это – тело нейрона с ядром, от него отходят многочисленные короткие отростки – дендриты. От корня «дендро-» – дерево. Похоже?

Живое воображение Геры утверждало, что нейрон похож на одноглазого инопланетянина с причёской Эйнштейна и единственным длинным тентаклем, который заканчивался пучком присосок.

– А это длинный отросток, аксон, – показала репетиторша в «тентакль». – Помните, я говорила, что он может достигать метра длиной? Миелиновая оболочка делает его похожей на связку сосисок.

Тут Летов был согласен со сравнением. Гордеева продолжила:

– Между соседними заизолированными отрезками находятся открытые перешейки. Нервный импульс перескакивает по ним, и скорость проведения возрастает уже до ста двадцати метров в секунду!

Юлия Игоревна со значением подняла палец.

– Миелиновая оболочка позволяет передавать сигнал не только быстро, но точно и без потерь. Это особенно важно для работы головного мозга. Его миелинизация большей частью завершается в пубертате, и подростки внезапно осознают, что делать уроки стало легче. В коре мозга процесс

идёт от затылочных долей к лобным. – Репетиторша показала на себе направление для пушей наглядности и ткнула пальцем себе в пресловутый третий глаз. – Здесь располагается центр аналитической деятельности. Так вот, миелинизация в нём заканчивается только к двадцати – двадцати семи годам. Именно тогда человек наконец обретает способность принимать взрослые взвешенные решения. Требовать этого от подростков бессмысленно – их мозг ещё не созрел.

Училка выразительно посмотрела на Летова, видимо, намекая, что у некоторых оное созревание не завершилось и к сорока.

– Сигнал с нейрона на нейрон переходит не как в электрической цепи, – Юлия Игоревна вернула взгляд к ученице, – ...а с помощью особых структур – синапсов. – Она ткнула ручкой в присоски на конце «тентакля». – Ими аксон прикрепляется к мембране другого нейрона. – Гордеева несколько раз клацнула по «вводу», пролистывая слайды, пока не добиралась до искомого. – Вот.

В увеличенном варианте «присоска» больше напоминала широкую колбу, внутри которой бултыхались какие-то кружочки и не кружочки сложной формы. Вверху горлышко «колбы» переходило в «сосиску». Основанием она стояла на неровной поверхности, видимо, той самой мембране.

– Здесь находятся пузырьки с нейромедиатором. – Ручка репетиторши указывала на кружок в крапинку внутри «колбы». – Его молекулы поступают в синаптическую щель...

– Она провела по узкой полосе между «колбой» и «мембраной», – ...и связываются с белками-рецепторами второй клетки, чтобы вызвать в ней электрический импульс. Но тут всё непросто. Медиатора выделяется тем больше, чем выше уровень возбуждения. Если оно слабенькое, сигнал не пройдёт. Лишь когда количество молекул в щели достигнет определённого порогового значения, между клетками, фигурально выражаясь, проскочит искра. Таким образом организм отфильтровывает всё неважное и экономит силы, сохраняет за собой право семь раз подумать и только потом – сделать.

Тут Гордеева снова стрельнула в Германа взглядом, как из магнума сорок четыре. Да хватит, хватит уже намекать! Все всё уже поняли.

– А что, если здесь... – Он покрутил пальцем в сторону слайда, – возбуждение сильное, а этого вашего...

Он попытался припомнить название, и училка подсказала:

– Медиатора.

– ...медиатора не хватит?

– Очень хороший вопрос! – похвалила она, и Летов даже как-то проникся. – Ресурс любого синапса конечен. Нейрон провёл один сигнал, другой, третий... А на четвёртый уже запасов не хватило. Ведь новые молекулы медиатора синтезируются в теле нейрона. Оттуда пузырёк тащит транспортный белок: топ-топ, топ-топ. – Она прошлась по столу указательным и средним пальцами.

– Пап, он прямо так и движется, как на ножках, – оживилась Арина, оборачиваясь к отцу.

– Да, вот этот самый метр аксона нанометровыми шажочками, – одобрительно кивнула Юлия Игоревна. – А пока он не дошёл и не донёс, в синапсе наступает утомление. Это одна из причин, почему мы не можем выполнять физические упражнения бесконечно: ресурсы нейронов, которые заставляют мышцы сокращаться, иссякают, – объясняла она ученице. – Но самое интересное то, что синапсы способны не только возбуждать или не возбуждать импульс в соседнем нейроне, но и затормозить сигнал, который пришёл с третьего. Этот процесс так и называется: торможение.

– То есть, чтобы остановиться, в нервах можно не только отпустить газ, но и нажать на тормоз? – перевёл Герман на понятный ему язык.

– Если в таких аналогиях, то утомление – это когда бензин кончился, да. Можно перестать «жать на газ», затухание импульса будет медленным, и какое-то время он поддерживается в нервном волокне. Если необходимо остановить процесс быстро, включается режим экстренного торможения. Всё верно, – благодарно, кажется, кивнула Юлия Игоревна.

Летов ощутил, как растёт его биологическая эрудиция. Самомнение вообще пёрло как на дрожжах.

– Это один и тот же синапс может? – уточнила Арина.

– Нет. Нейрон может быть или возбуждающим, или тор-

мозащим. У них разные медиаторы. И, кстати о психологии, для которой не нужна биология, – не преминула устать Гордеева: – То, что мы называем темпераментом, зависит как раз от ресурсов возбуждающей и тормозящей систем человека. Если и та, и другая быстро утомляются, мы говорим, что человек – меланхолик. Он легко устаёт, подвержен невротам, плохо адаптируется к новым условиям. Это называют слабым типом высшей нервной деятельности. Маленькие дети, кстати, меланхолики в этом смысле. Если они устали и перевозбудились, их очень сложно затормозить.

– А кто сильный? – поинтересовался Герман.

Это определённо он! Он очень сильный!

– Все остальные сильные, – со смешком заверила Гордеева. – Но у холерика, например, возбуждение преобладает над торможением.

– Поэтому он очень вспыльчивый! – Арина покосилась в сторону отца.

– Да. Обычно холериков такими и рисуют. А ещё они нередко «застревают» на какой-то идее. Многие гении были холериками. Они бы и рады не делать открытия, но не могли перестать думать о проблеме. Холерики нередко испытывают сложности с засыпанием, потому что мозг не может остановиться: всё работает и работает.

– А остальные? – заглялась дочь. Понятно: о темпераментах интереснее, чем о синапсах, медиаторах, аксонах и прочей непонятной пурге.

– У сангвиников и флегматиков возбуждение и торможение развито в равной степени. Но у флегматиков переключение с одного процесса на другой происходит медленно. Они медленно усваивают новый материал, зато дольше его помнят, потому что забывание – это тоже процесс торможения. А сангвиники легко переключаются с одного занятия на другое или даже могут выполнять одновременно несколько. Они легко учат и легко забывают. Но мы к этому ещё вернёмся, если, – тут Юлия Игоревна бросила взгляд на Летова, – мы дойдём до темы высшей нервной деятельности.

– Я думаю, дойдём, – оптимистично заявил Герман.

Ему вообще было о чём подумать. О своём темпераменте, например.

И о непонятных сигналах своего тела.

Вот подумает, и до него дойдёт.

Глава 11. Яблоко от яблоньки...

Герман

Дальше всё было совсем не так интересно. Герман не ска- зал бы, что материал показался ему сложным. Но его бы- ло много. Много новых слов, новой информации, картинок незнакомых... Всего было слишком. К концу часа биология лезла из ушей, глаз, носа... Отовсюду.

Правда, от потока знаний была несомненная польза – Ле- тов теперь мог без смущения убрать с коленей пиджак.

– Юлия Игоревна, а вот это всё будет на экзамене?

Герману не верилось, что вот это всё, с чем ему удалось благополучно не встретиться в школе, могут спрашивать у одиннадцатиклассников.

– Кто же знает, Герман Рудольфович, что будет на экзаме- не? – огорошила Гордеева, сложив руки под грудью, отчего её грудь приобрела более вызывающие формы. – Никто не может заранее предсказать, в какой именно нюанс широко- го спектра биологических сведений пожелают копнуть соста- вители ЕГЭ в экзаменационном варианте, – закончила она с пластиковой улыбкой «очень рада видеть, дорогие гости, выход позади вас».

– И это всё нужно запомнить?

– Это ещё не всё, – усмехнулась биологичка. Тугой пучок слегка ослаб за время занятий, и несколько прядей высыпались из него, обрамляя лицо, отчего она казалась уютнее и милее. – Это первый уровень информации. Потом мы будем это всё полировать и дополнять деталями.

– Боже, куда? – Герман не мог определиться, попрыгать на ноге, чтобы вытряхнуть лишние термины из уха, или пальцем затолкать их обратно.

– Вглубь. И вширь. Герман Рудольфович, это был ваш последний шанс, – растеряла веселье Гордеева. – Я, как обычно, отправлю презентацию и задание Арине. Если она снова не справится, извините – значит, медицина тут бессильна.

Она развела руками и посмотрела на ученицу. Та виновато потупилась.

– Большое спасибо за мастер-класс, было очень познавательно, – расшаркался Летов. – До свидания, Юлия Игоревна.

– До свидания! – пискнула Арина, и дверь закрылась за ними.

Арина спускалась задумавшись и налетела на руль пристёгнутого к батарее велика. Она зашипела и пнула его в колесо.

– Расставили тут, ни пройти ни проехать, – сварливо прошипела она, в точности копируя интонации матери.

– Под ноги нужно смотреть, – возразил Герман чисто из

вредности, как рефлекс на дорожную супругницу.

– Это общее место, нечего его захламлять! – продолжала возмущаться дочь.

– Это не твой подъезд, Ариш. Не нужно диктовать здесь свои законы.

– Просто ни у кого руки не доходят пожаловаться! Быстро бы всё убрали!

Герман встал на ступеньке. Арина сделала ещё несколько шагов, но всё же остановилась и недовольно оглянулась на отца.

– Дорогая моя, – вкрадчиво начал он. – Ты понимаешь, что сейчас сама была виновата в том, что ударилась? Но вместо того чтобы сделать вывод и в следующий раз быть внимательней, ты готова писать жалобы, дабы заставить и наказывать.

– Сделать мир лучше! – Арина с вызовом задрала подборок.

– Для кого?

– Для всех!

– Человек, который поставил сюда велосипед, не будет счастлив от твоих реформ.

– А почему из-за него должны страдать остальные?

– Остальные – это ты?

– Ты просто ненавидишь меня, как маму! – психанула дочь и помчалась по лестнице. Если бы не доводчик, наверняка бы хлопнула дверью.

Герман закатил глаза к потолку и не торопясь продолжил спуск.

Дочери во дворе не оказалось. Время, конечно, было позднее, но телефон у неё есть, такси вызвать в состоянии, поэтому он не слишком паниковал. Просто демонстрация и прогнозируемый скандал на тему «Почему Принцесса приехала без тебя, как ты мог так себя вести!». О, этот легко узнаваемый паттерн стремления сделать мир лучше!

Герман пристегнулся и тронул машину. При выезде на трассу он обнаружил дочь, притоптывающую на морозце. Притормозил. Опустил стекло.

– Поехали.

– Я уже такси вызвала!

– А ты на него заработала?

– Могу и заработать! – с нескрываемым подтекстом выдала Арина.

– Ну давай, на панель ещё пойдё назло кондуктору, ага! – Герман потянулся к дверце и отжал рычаг, открывая дверь. – Садись, Арин. Отменяй заказ и садись. Завязывай со своими психами. Если бы я, как ты говоришь, тебя ненавидел, я бы сегодня не сидел у твоей репетиторши.

– А зачем ты вообще поехал? – Любопытство перевесило обиду, хотя наезда дочери всё же удалось вложить в вопрос больше.

– Садись – расскажу.

Она с демонстративным одолжением села на переднее си-

дение. Летову в очередной раз захотелось врезать ей подзатыльник. Но с русскими народными способами воспитания он припозднился.

Арина пристегнулась и полезла в приложение делать отмену – действительно уже успела заказать машину. Потом, слегка отогревшись от печки, вернулась к теме:

– Так зачем ты поехал?

Теперь она успокоилась, и в вопросе не слышалось надрыва.

– Хотел посмотреть, как на самом деле тебя учат.

– И что? – Бэкграундом в голосе вновь зазвенела претензия.

– Что «и что»? Хорошо учат.

– Значит, просто я тупая, да?

– Не знаю. Предлагаю соревнование: кто лучше напишет тест. Без подглядывания.

Арина надулась.

– Завтра, – добавил Герман.

– Завтра у меня математика, я буду совсем никакой, – пожаловалась Арина, и неожиданно для себя Летов ей поверил. Если математика – как биология, то ой-ой-ой.

– У меня тоже «математика», – пошутил он о своей работе. – Хорошо, в пятницу.

– Обществознание.

– Суббота?

– Ладно, давай в субботу, – сделала одолжение дочь.

Разумеется, к субботе Герман благополучно забыл о своих наполеоновских планах, поскольку по уши погрузился в годовые отчёты. Только лёгкое напряжение, сквозящее в позе и движениях дочери, с которой Летов столкнулся, понятно, на кухне, пробудило спящие нейроны.

– Так! Что у нас с проверочной? – в последний момент остановил он бегство Арины в комнату.

– Какой проверочной? – вроде как беспечно уточнила она.

– По биологии.

– Па-а-ап, ну давай завтра, времени уже сколько!

Время действительно уже было после десяти вечера, но Герман прекрасно знал, во сколько ложится Ариша и до скольких делает уроки. Сейчас для неё определённо было детское время. А на воскресенье у Лётова был запланирован (и даже оплачен) выезд в загородный спортивный клуб. То мероприятие, с которым соревнование в решении теста по биологии и рядом не стояло. И даже неожиданный интерес, который либидо Лётова испытало к биологичке, не мог конкурировать с хорошей мужской компанией. Без шансов.

Уловив, что папа неумолим, Арина сдалась. Сели оба в детской, развернув ноутбуки так, чтобы краем глаза можно

было видеть, что на экране, но без возможности рассмотреть ответы. Дочь вооружилась листочком в качестве черновика. Герман ничем не вооружался и не озадачивался, поскольку был твёрдо намерен проиграть.

* * *

– ...Так нечестно! – взвилась Арина, когда тесты были пройдены и сайт позволил посмотреть результаты.

А результаты показывали, что со стороны Германа одного намерения проиграть было недостаточно.

Нужно было приложить старание.

Хотя бы одному из «соревнователей».

– Что именно?

Арина сидела нахохлившись, как курица на насесте.

– Ты же больше знаешь! – заявила она.

– В целом – да. Но мы же сейчас с тобой говорим не об экономике или политике. В биологии я не разбираюсь. Всё, что рассказывала Юлия Игоревна, было для меня новым. Я даже ничего не повторял! Кто тебе мешал подготовиться?

– Я готовилась!

Хотелось ответить: «Плохо готовилась», но Летову удалось сдержаться.

– Хорошо, я спрошу у Юлии Игоревны, можно ли перепи-

сать, – пообещал Герман. Неужели дочь настолько... дура? Не хотелось произносить это слово, но иначе не получалось. – Думаю, она пойдёт навстречу.

Летов глянул на часы. Время было действительно позднее, в такое время приличные люди не звонят. Но, с другой стороны, от чего он отвлечёт госпожу Валькирию? Понятно, что у неё никого нет.

По крайней мере, в квартире не было следов постоянного пребывания мужчины.

Но «не было» – не равно «не бывает». В общем-то, это знание и не нужно было Герману. Но любопытство прямо жгло.

И вопрос нужно решить. Завтра с утра не до того будет.

И Летов написал в мессенджер: *«Добрый вечер! Прошу прощения, что так поздно. Вы не очень заняты?»*. Если она уже спит, то ничего страшного не случится. А вот если ответит... Ну правда, не будет же девушка переписываться с чужим мужчиной в компании своего? Пусть этот «чужой» – и отец ученицы?

И вообще, Летов не для того писал!..

«Добрый вечер! Что вы хотели?» – появилось от Гордеевой.

«Я могу вам позвонить? Это будет прилично?»

«Нет, это будет неприлично, но всё равно звоните».

Герман хмыкнул, подмигнул телефону и нажал вызов.

– Да? – Абонент ответил почти сразу.

– Добрый вечер, Юлия Игоревна. – Летов добавил в голос бархатистой сексуальности. В конце концов, должен же он как-то компенсировать причинённые неудобства.

– Здравствуйте, Герман Рудольфович. Что вы хотели? – отрезала репетиторша ледяным тоном.

– Хотел спросить, может ли Арина переписать тест? Понимаете, она готовилась, старалась, но всё равно не справилась. Ничего не понимаю... – Летов усилил в голосе эту растерянность.

Может, ей нравятся ведомые мужчина?

Не то чтобы Летов таким был, но отчего не сделать девушке приятное?

По ту сторону послышался вздох.

– Конечно, тест можно переписать. Это же не годовая контрольная. Цель домашних работ – дать детям возможность потренироваться. О, вижу результаты. Ну со второго аккаунта она нормально написала, – похвалила училка.

– Со второго аккаунта писал я, Юлия Игоревна, – повинился Летов.

– У вас есть потенциал. Если напряжётесь, то с ЕГЭ справитесь! – в голосе репетиторши слышалась задиристая насмешка. Как приглашение к флирту.

– К сожалению, сдавать его не мне. А у Арины совсем без шансов?

– Герман Рудольфович, – теперь сексапильности в голос добавила биологичка, и Летов вновь поймал себя на том, что

его повело. – Они сейчас практически все такие. Понимаете, в большинстве своём, если они не знают правильного ответа, то даже не пытаются думать. Там на уровне рефлекса вбито – ответ нужно дать быстро. Хоть какой. Первый попавшийся. В классе народа много, кто-нибудь да угадает. Поэтому первое, что нужно сделать – это научить останавливаться и думать. Включать мозг. Учить рассуждать. Методом исключения. Методом наиболее вероятных и наименее вероятных ответов. Обычно первое время я трачу именно на это.

«Что ж вы на мою дочь это его не тратите?» – очень хотелось спросить. Но Летов и сам предполагал, каким будет ответ: потому что времени не осталось.

– Юлия Игоревна, а вы не могли бы позаниматься с Ариной три раза в неделю? Хотя бы пока она не начнёт понимать, что от неё требуется? – Эту фразу Герман произнёс с самой харизматичной улыбкой из возможных.

– И почему я должна так себя наказывать?

– Всё дело в гуманизме, – уверил он.

Глава 12. Гуманизм и другие глупости

Юля

Природа, клепая Германа Рудольфовича Летова, не пожалела на него интеллекта, харизмы и наглости. И всем этим он бессовестно пользовался.

Если ему давали.

А ему, безусловно, давали. Сложно устоять перед таким напором.

Но Юля была намерена продержаться как можно дольше. Если бы господин Летов этим тоном её клеил – одно. Тут бы Гордеева подумала. В конце концов, он – свободный мужчина. Она – свободная женщина. Чего, как говорится, время терять?

Но нет. Герман Рудольфович намеревался её не трахнуть, а поиметь. Это совершенно другое дело.

Это, господин Летов, не дело!

– Что-то мне подсказывает, Герман Рудольфович, для вас «гуманист» – синоним к словам «мямля» и «рохля». – Юля была категорически не согласна с такой формулировкой, особенно в отношении себя. – Как у вас всё просто: махнули левым рукавом – вдруг сделалось озеро...

– К чему усложнять жизнь? – из телефона лился убаюкивающий голос Летова.

Убаюкивал он исключительно волю к сопротивлению.

А либидо, напротив, будил.

Всё-таки несправедливо, что инквизиция в своё время красивых женщин сжигала, а красивых мужиков – нет.

– Так упрощаете-то жизнь вы только себе. Посидите с Ариной, поразбирайте задания.

– Я бы рад, но не обладаю вашими педагогическими талантами, – капал мёдом голос из мобильного.

– Вроде буквально на этой неделе вы упрекали меня в их полном отсутствии! – Вот кто переобувается в воздухе.

– Был не прав. Не проникся. Но обучаем.

Гордеевой очень хотелось ответить: «А ваша дочь – нет». Но это было неправдой. Арина была не хуже и не лучше средней температуры по больнице. И даже по уровню мотивации не слишком отличалась от большинства. Герман Рудольфович был прав: три занятия в неделю для Арины были оптимальным решением. И в целом – не самым обременительным вариантом для Гордеевой. К слову, финансово усилия окупались даже без обещанной «премии» за моральный ущерб.

Поэтому, если честно, Юля сейчас просто кочевряжилась.

Ну а почему бы благородной донне не покочевряжиться? Юля же устраивала шоу для господина Летова? Теперь его очередь выступать в стендапе.

– Вы же отдаёте себе отчёт в том, что в лучшем случае я

могу объяснить и научить? Но будет ли ваша дочь эти навыки применять, зависит не от меня.

– Юлия Игоревна, ну дайте ей шанс!

– Опять?!

– Вы не понимаете, это другое!

Герман Рудольфович определённо флиртовал. Откровенно. Даже вызываяюще.

Пора разговор кончать, пока Юля не расплылась перед ним лужицей.

– Герман Рудольфович, я посмотрю, сумею ли найти где-то дополнительное время. Возможно, на каникулах. Но не обещаю. На следующем занятии разберу с Ариной задания, которые вызвали у неё сложности. Однако ещё раз хочу вам напомнить: я могу хоть на мостик перед вашей дочерью встать, но при таком подходе к учёбе это ничего не даст. Впустую потраченное время и деньги, – закончила она тоном «деловой колбасы».

– Буду надеяться, что у вас получится. До свидания, – проникновенно проворковал голубь сизокрылый. Так-то по всем признакам павлин, но павлины ужасно орут. Природа не терпит совершенства.

Причём на что именно он надеялся: что Гордеева сумеет найти свободное время, встать на мостик или научить Арину выполнять задания, осталось для Юли загадкой.

Вот что умел господин Летов, это заполнять собой мозги.

Разговор давно завершился, а Юля всё прокручивала его

в голове и вспоминала последнее занятие, где тот изволил присутствовать собственной персоной. Гордееву его присутствие так неслабо взбодрило. Благо опыт открытых уроков за спиной был нехилый. После бронебойных школьных заучей Летов был просто плюшевым мишкой в шоколаде.

Цепкий взгляд карих глаз, который Юля ловила на себе, демонстрировал интерес. Но она умела быть интересной.

Как педагог.

Не стоит накручивать себе всякое из какого-то взгляда.

Даже если очень хочется.

* * *

Как ни убеждала себя Гордеева, что она ни на что не рассчитывает со стороны господина Летова, но то, что Арина приехала в воскресенье одна, вызвало разочарование. Повезло, что Юля в глазок посмотрела. Хороша бы она была такая с широкой улыбкой, стремительно перетекающей в кислую мину! А так дверь открыла, предложила проходить, а сама на кухню – заварить чай и реанимировать самолюбие. Когда она вошла в комнату, все эмоции были уже под контролем.

– Как успехи с тестами? – приветливо поинтересовалась Гордеева.

– Сами же знаете, – ответила Арина с нотками обиды, буд-

то в неудачах была виновата преподавательница.

– Ты потом посмотрела ответы?

– Да, конечно! – несомненно соврала девочка. Слишком уж это прозвучало... поверхностно. Быстро, легко, без эмоций. Не было в ответе того, что должен был почувствовать человек, осознав, что ничего не понимает.

Но, закончив копаться в рюкзачке и выложив на стол тетрадку и пенал, Арина подняла на Гордееву свой честный взгляд. Наверное, ей тоже потребовалось время, чтобы взять мимику под контроль. И только торопливый жест, которым девушка убрала за ухо прядь длинных волос, выдал нервозность.

Арина была красивой. Есть женщины в русских селеньях, которые несут себя по жизни как модели по подиуму. Вроде и не скажешь, что что-то в них особое в плане внешности. Но сразу ясно, что красавица. А кто так не думает, у того просто чувство прекрасного деформировано.

Ариша Летова была ухожена начиная с идеальных волос до кончиков наращённых ногтей нежно-розового цвета с кокетливой белой точечкой у основания. Макияж тоже был эталонный: чистая ровная кожа, нежный румянец, пудровые брови, ресницы, слишком длинные, чтобы быть натуральными. Всё ровно и идеально. Юле даже завидно стало – до такого профессионализма ей было далеко. Перед соревнованиями ей было проще воспользоваться услугами визажиста, чем самой вырисовывать совершенство.

Девушка по-ученически сложила локти перед собой, и Гордеева очнулась.

Ах, да. Она соврала, что посмотрела ответы.

– Арин, я больше не учитель. Я – репетитор, моя задача не поставить тебе оценку, а объяснить то, что вызвало у тебя возникли сложности. Твой папа платит мне деньги за то, чтобы я тебе помогала. Поэтому давай договоримся: если ты хочешь подготовиться к экзамену, ты не должна делать вид, что у тебя всё хорошо. С репетитором – как с врачом, чем ты честнее, тем больше шансов, что тебя вылечат.

– Ну да, – скептически хмыкнула та. – Именно поэтому вы поставили условие о двух невыполненных тестах.

– Арина, на календаре декабрь. Вы сваливаетесь мне как снег на голову. Ты ожидаемо демонстрируешь нулевой уровень знаний. У нашего знакомства есть определённая история. Что бы ты сделала на моём месте?

– Захлопнула бы дверь.

– Я пыталась, но Герман Рудольфович оказался сильнее, – со смешком призналась Юлия. – Он сильнее меня. И сильнее тебя. Поэтому мы сейчас здесь. Так?

Арина тоже издала приглушённый смешок и кивнула.

– Давай попробуем ещё раз. Ты хочешь поступить в университет?

Она кивнула.

– Ты понимаешь, что не сможешь это сделать, если не напишешь биологию выше порогового значения?

Снова кивок.

– Ты понимаешь, что ты не сдашь экзамен, если не учишь?

Арина кивнула, но с задержкой. Будто хотела возразить, но передумала.

– Думаешь, что сдашь?

– Вообще-то есть шпаргалки и телефоны.

– Так вас же досматривают.

– Ой! – отмахнулась девушка. – Да все пользуются!

– Ладно, предположим, у тебя будет шпаргалка. Но вопросы экзамена сформулированы так, что просто шпаргалки мало. Нужно разбираться, как оно всё работает. Понимаешь?

Летова преувеличенно-согласно кивнула.

– Ничего ты не понимаешь. Я каждый раз, каждому ученику это говорю. Что на экзамене задания будут сложнее, чем в сборнике. Что это будут другие задания. Что нужно внимательно читать. Что нужно думать. И каждый ученик считает, что я просто пугаю. А потом все приходят после экзамена и говорят: да. Всё было именно так. Урок извлечён. Только время уже потеряно. – Юлия развела руками. – В школе ты выполняешь задания, чтобы получить оценку. А здесь – чтобы проверить, поняла ты эту тему или нет. Если не поняла или поняла не до конца, то лучше сейчас потратить время и разобраться, чем идти дальше, но с пустой головой.

– Да, конечно, – снова соврала Арина.

– У нас есть два способа запоминания. Один – зубрёжка.

Это как выучить стихотворение. Представь, что ты пришиваешь к платью лоскуток, делая простой шов. На первый раз – слабо держит. На второй – уже крепче. Чем больше раз ты повторяешь, то есть прошиваешь, тем надёжнее будет держаться деталь. Но достаточно нити порваться – и всё, работа насмарку. Другой способ – это понимание.

Ученица слушала, как заворожённая, чуть склонив голову набок.

– Понимание – это связывание новой информации с тем, что у тебя уже есть в голове. Знания из других тем, твой жизненный опыт, то, что ты где-то когда-то слышала по изучаемой теме, каждая связь – это новый стежок, который пришивает лоскуток со всех сторон. Такое запоминание не требует усилий. Всё запоминается само собой. И чем больше ты знаешь, тем проще выучить что-то новое. Пока у тебя нет базы, нет нужных навыков, учиться сложно. Много новых слов, и каждое нужно расшифровать. Дальше станет легче. При условии, что ты будешь разбираться.

На лице девочки отражался скепсис.

– Я не говорила, что сейчас будет легко, – улыбнулась Юля. – Но если даже не пытаться, и потом легче не станет.

Глава 13. Проблемы с опорно-двигательным аппаратом

Герман

С загородной базы Герман возвращался в приподнятом настроении. Начилился, как сказала бы Арина, по самые наушники. А банька да со снежком после парной – это просто огонь! Такой расслабон, что ехать домой не хотелось совершенно. Вообще ехать не хотелось. Но домой – особенно. У Летова даже мелькнула мысль: а не заехать ли к Юлии Игоревне, обсудить, так сказать, глобальные проблемы современности? Подрастающего поколения, отцов и детей, биологического образования и физиологии человека, чтобы плавно перейти от теоретической подготовки к практике.

Но решил, что это будет слишком.

Не готов он сегодня к такой интенсивной эмоциональной и физической нагрузке.

Себя нужно жалеть.

Хотя арсенал презервативов стоило пополнить. Жизнь – штука неоднозначная. Даже в самой чёрной полосе можно найти пару белых крупинок для радости. Глупо упускать их только потому, что боезапас израсходован.

Когда Летов вернулся домой, машины Милены в гараже не обнаружилось. Возможно, жена наконец найдёт себе олигарха и оставит мозг Геры в покое. Хотя вряд ли. Скорее предпочтёт иметь обоих.

При этом не давая никому.

Арина, наоборот, нашлась дома, за столом.

– Привет! Как прошла биология? – любопытствовал он у дочери.

– Привет! Отлично. Ты знал, что если рыбкам-петушкам не давать нереститься, то они болеют, тонут и умирают? – озадачила его встречным вопросом Арина.

Вообще-то, Герман искренне считал, что строка из пошлого стиха о том, что без любви умирают рыбы, является преувеличением. Но в каждой шутке, оказывается, есть доля жестокой правды.

– Я даже не догадывался, что рыбки могут тонуть, – признался он, присаживаясь в кресло-кокон. Никак не мог понять, что в нём находит дочка. Сидеть было категорически неудобно. Какой стороной ни разворачивайся.

– Они не всплывают, в смысле. А вообще они могут дышать воздухом.

– А кто-то не умеет?

– Папа, они настоящим воздухом могут дышать! – горячо возразила Арина, будто кроме настоящего был ещё поддельный. – Юлия Игоревна сказала, что если я сама сделаю домашку, я смогу показать петушку зеркало!

Летов рассмеялся.

– А расчёска и тушь для ресниц у него уже есть?

– Па, ну что ты смеёшься? Это же бойцовая рыбка. Если поставить перед ней зеркало, она подумает, что это противник, и начнёт драться!

– О, эти женщины! Им бы всё смотреть на мужские драки! – с пафосом воскликнул Герман, возведя очи горе.

– Да ты не понимаешь! Я могу найти в интернете, как дерётся сиамский петушок. Но тут же я сама! Слушай, а при какой нагрузке быстрее наступает утомление: при динамической или статистической?

– Статической, – поправил Летов, краем мозга осознав, что Арина пытается выполнить работу сама.

А не подглядев или списав.

Хотя возможно ей просто лень искать.

Арина скорчила недовольную физиономию, дескать, не надо учить её жить, лучше помогите материально.

– Попробуй сама. Возьми пол-литровую бутылку с водой и засеки, сколько ты сможешь продержаться её на вытянутой в сторону руке. А потом проверь, на сколько тебя хватит, если руку с той же бутылкой сгибать и разгибать.

– Это читерство! – возмутилась дочь.

– Нет, читерство – подсмотреть в интернете. Или гадать. Или спросить у других. А провести научный эксперимент – это самый продвинутый вариант! Потом расскажешь, что у тебя вышло. Я у себя, – доложил Герман.

Всё же он любил свой дом. Второй этаж – мансарду – особенно трепетно. Здесь находилась его территория. Именно здесь он был «у себя». Летов переоделся в домашнее и прилёг отдохнуть под мерный звук тупенького сериала...

Проснулся Герман утром, до будильника.

Телевизор отключился. Или он сам его отключил. Не приходя в сознание. Зато выспался. Смарт-часы поставили за сон рекордные сто баллов. Плохой день со ста баллов не начинается, решил Летов, собираясь на работу.

День, вопреки бодрому началу, выдался совершенно обычным. Документы. Отчёты. Диаграммы. Коэффициенты. Таблицы. Графики. Много букв, которые были призваны доказать, насколько талантлив он в искусстве клепания денег из воздуха.

В рутине самопрезентации.

Навыках прикрывать проколы правдоподобными толкованиями и обстоятельствами непреодолимой силы.

Бла-бла-бла.

Летов был даже рад, когда звонок Арины оторвал его от этого нужного, но раздражающего, как торчащая в горле кость, занятия.

– Привет, что хотела, Принцесса?

– Пап, помоги мне с костями разобраться!

– Ну, дочь моя, признайся: чьи кости не дают тебе покоя? – Герман приготовился искать нужную информацию в интернете.

– Человеческие. Пап, я не поняла про типы их соединения.

– А что, в презентации Юлия Игоревна тебе эту информацию не отправляла?

– Почему, отправляла. Но я не понимаю, как определить, где какой тип. И там нет лобкового симфиза.

– Чего?.. А это что такое?

– Откуда я знаю? Его же нет в презентации. Ну так поможешь?

– Конечно, помогу! – пообещал Герман.

Отчего бы не помочь?

Тем более что у него есть замечательный консультант, до которого Летов вчера так и не добрался по причине слабости.

Но сегодня он решил своим слабостям потакать, поэтому набрал номер Гордеевой.

– Здравствуйте, Юлия Игоревна. У меня проблемы с костями, – признался он.

– Здравствуйте, Герман Рудольфович. Срочно обратитесь к врачу, – училка сделала вид, что не поняла.

– Спасибо за заботу, но меня интересуют их соединения. Арина не до конца разобралась, но она очень хочет выполнить домашнюю работу. Вы ей пообещали за это петушка с зеркалом, теперь она ваша навеки, – поделился Летов. – Можно к вам подъехать ненадолго?

– Герман Рудольфович, к сожалению, это невозможно. Я

сейчас не дома.

– А где? – Летов не собирался сдаваться так легко. – Давайте я вас подхвачу и довезу.

– Вместе с велосипедом? – насмешливо спросила Гордеева, и Герман не понял шутки. У него приличный автомобиль бизнес-класса, между прочим.

– Каким велосипедом?

– Моим велосипедом, – довольно улыбалась по сторону Юлия.

– Вторая декада декабря, какой велосипед? Отставить велосипед!

– Это мой велосипед и не собираюсь его нигде оставлять!

– Ладно, – покладисто согласился Летов и прикинул время на дорогу. – Тогда я подожду.

– Герман Рудольфович, у меня сегодня выходной!

– Замечательно! Значит, нам никто не мешает! Буду вас ждать у подъезда, – закончил Летов разговор на высокой ноте.

* * *

Он не торопясь собрался. От офиса до дома репетиторши было минут пятнадцать, если повезёт со светофорами. Герман дал девушке шанс приехать раньше, чтобы не заставлять

его ждать. Но Юлия Игоревна им бессовестно не воспользовалась. Летов позвонил в домофон. Никто не ответил. И окна тоже не горели. В квартире определённо никого не было. Из людей.

Летов настроился на долгое ожидание и приготовился скролить на телефоне новости, как к подъездному крыльцу пришвартовалась девушка на велосипеде.

Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, кому принадлежал велосипед, о который в прошлый раз ударилась Арина. Невероятно, но факт: Гордеева не соврала. Она действительно ездила по делам на своём двухколёсном друге. Пофигу мороз тем, кто в Сибири рос, как говорится.

Лыжный костюм подчеркивал стройную фигуру. Как всё-таки женщины умеют создавать себе сложности! Красивая, не дура, формы и талия на месте – и не замужем. Не то чтобы Герман был против. В данном конкретном случае. У него даже были некие неясные, но вполне непристойные фантазии, готовые оформиться в планы. Однако сам факт всё равно был необъясним.

Точнее, объяснение было. Такие, как Милена, вцеплялись в мужчин мёртвой хваткой, поскольку не могли без них прожить. Оттого были милы нежному мужскому самолюбию и будили инстинкт защитника: если не я спасу её от жизненных неурядиц, то кто же? А Юлию Игоревну, с её-то арбалетом, и спасать не нужно. Она сама кого угодно спасёт.

Потом догонит и ещё раз спасёт.

Чисто для интрижки – очень привлекательный типаж. Для серьёзных отношений...

Выходя из машины, Герман задумался – чисто гипотетически, в порядке мыслительного эксперимента, – смог ли бы он жить с такой женщиной в браке?

По всему выходило, что если бы у них был регулярный секс, то почему бы нет? Милена, что скрывать, умела зажечь звёзды в постели. Как побочный эффект аффекта. Но с момента, когда «звёзды» стали отвешиваться в граммах в качестве подкрепления или не отвешиваться в качестве наказания, их ценность для Летова резко упала. И результативность аффектов тоже: истерики и выяснение отношений вызывали скорее глухое раздражение, чем страх. А раздражение – не та сила, которая толкает мужчину на подвиги.

– Добрый вечер, уважаемая Юлия Игоревна, – Герман надел перчатки и потянулся к велосипеду. – Позвольте, я помогу вам с вашим стальным буцефалом.

– Герман Рудольфович?... – кажется, вздрогнула учительница и обернулась. – Откуда вы знаете, как я зову свой байк?

– И как, удачно? Он приезжает? – Велосипед оказался довольно увесистым, и Летову пришлось приноровиться, чтобы взять его удобно.

– Кто? – не поняла Гордеева.

– Байк. Когда вы его зовёте.

– Очень остроумно, Герман Рудольфович. – Она придержала дверь, когда тот входил в подъезд. Велосипед вырывать

из рук не стала. Значит, не замужем не потому, что фемка.

– Рад, что вы оценили. На охоту ездили? – Летов обратил внимание на пристёгнутый за спиной арбалет. Оружие находилось в чехле-мухоморе, но по форме легко угадывалось. – В рюкзаке трофеи? Не тяжело?

– Своя ноша не тянет. – Спутница предусмотрительно пропустила Германа с не своей ношей вперёд.

– Скальпы двоечников? – не сдавался тот.

– И этот человек пытался приписать мне избыток гуманизма в крови!

– Попытка не пытка. И вообще, каждый имеет право на ошибку. Так куда вы ездили в такое время с арбалетом?

– В тир, Герман Рудольфович.

– Эх, какое разочарование... А я хотел припугнуть Арину. Так в рюкзаке у вас два килограмма болтов? Выглядит увесисто. – Летов даже обернулся, чтобы придать словам значительности, хотя с этого ракурса рюкзак видно не было.

– Там коньки, – неожиданно призналась учительница. Видимо, ей надоело играть в словесные кошки-мышки.

– Изобрели новый вид биатлона? На коньках и с арбалетом?

– Герман Рудольфович, вам не кажется, что вы слишком бесцеремонны?

– Не кажется. Я знаю это совершенно точно. – Летов опустил велосипед на площадке выше третьего этажа, где на него налетела Арина. – Не бойтесь, что украдут?

Гордеева скрутила замок с руля и пристегнула своего верного Буцефала к батарее. Чтобы погрелся с дороги, видимо.

– Нет.

– Юлия Игоревна, не обижайтесь на меня, пожалуйста. Просто вы настолько загадочны и нешаблонны, что удержаться от расспросов просто невозможно. – Герман широко улыбнулся и раскрыл руки: вот он я весь как на ладони, простой российский парень.

– И всё же постарайтесь, – ледяным тоном отбрила Гордеева, вызывая забег мурашек вдоль позвоночника.

Герман невольно попытался представить её в постели.

Конкретно ничего не нарисовалось, но желание пригубить экзотики ощущалось.

– Понял. Осознал. Извините, больше не буду, – легко согласился он.

Училка скептически искривила губы, слегка подкинула связку ключей, которая звякнула, падая в ладонь, и молча направилась к квартире.

– Так что у вас за срочность такая возникла, раз вы внезапно, собственноручно, рванули ко мне на другой конец города? – поинтересовалась хозяйка, разуваясь и снимая куртку в прихожей. Герман был бы не против ознакомиться со всем «списком», но дальше стриптиз не зашёл.

– Мой офис не так далеко, – поделился он не без намёка. – Я испугался, что энтузиазм Арины заглохнет на взлёте. Точнее, зачахнет на корню, выражаясь языком биологии.

Она так внезапно решила погрузиться в учёбу, что я боюсь дышать в ту сторону.

– Где же вы раньше были со своей родительской прытью?

– Юлия Игоревна, но вы же опытный педагог, мастер мотивирования. Ну, поддержите мои робкие попытки быть хорошим отцом.

– Я уже давно не отчитываюсь за воспитательную работу с родителями, – недовольно буркнула Гордеева.

– А вы не ради отчёта. Вы для души! – Герман включил обаялку на полную мощность.

– Я сейчас вернусь. Проходите пока в комнату, – не самым радушным тоном пригласила училка.

Но Летова тон не волновал.

Если бы он всегда делал то, чего хотят от него окружающие, давно оставил бы этот мир в результате какого-нибудь инфаркта. Или инсульта. Поэтому делал то, что нужно.

Разумеется, ему.

А если кому-то нужно что-то другое, пусть этот кто-то это другое и делает.

– Так в чём у Арины возникли затруднения? – Гордеева вышла к гостю в джинсах и футболке с мотивирующей надписью «Всё в ваших руках».

Хотя в контексте недавних упрёков она звучала двусмысленно.

А в контексте недавних Гериных фантазий содержала любопытный посыл.

Уж послала так послала.

– В костях. Их соединениях, точнее.

– У вас закончился мобильный трафик? Вы не оплатили счёт провайдера? Кто-то вычерпал весь интернет и не оставил вам ни капельки? – Юлия Игоревна упорно отказывалась вестись на провокации. И вообще ценить проявленный к её особе интерес.

Нет, если бы интерес был не столь... стойким, Герман бы сейчас проникся и даже испытал вину.

Может быть.

– Боюсь ошибиться в толковании. Хотелось бы консультации специалиста.

– Есть три вида соединения костей, – сдалась учительница и рухнула в своё преподавательское офисное кресло. – Подвижное, полуподвижное и неподвижное. Самое распространённое – сустав. Это подвижное соединение. Суставная головка, покрытая хрящом для гладкости, входит в суставную впадину. Сверху всё это добро упаковано в суставную сумку, которая, с одной стороны, придаёт соединению дополнительную прочность, а с другой – удерживает синовиальную жидкость, которая снижает трение. Суставами соединены все кости конечностей, а также нижняя челюсть с верхней. Всё понятно? – уточнила она.

Герман кивнул.

– Вторая категория – неподвижное соединение. Это сросшиеся кости. Так соединяются кости копчика, черепа и та-

за за исключением нижней челюсти и лобковых костей соответственно.

– Это который лобковый... – Летов пытался вспомнить новое слово.

– Симфиз?

– Да. Звучит как венерическое заболевание.

– Какие у вас замысловатые ассоциации, – нейтрально отреагировала Юлия Игоревна. Судя по тону, под «замысловатыми» понималось «вульгарные». – У него есть более романтическое название: «лонное сочленение». Это представитель третьего типа соединения: полуподвижного. В этом случае кости соединены хрящом.

– Но в суставе же кости тоже соединены хрящом? – Герман хотел показать, как хрящ покрывает суставную головку, как сама же Гордеева только что говорила, и машинально сделал жест, будто оглаживал женскую грудь. Побоявшись, что его сейчас снова обвинят в «замысловатых» мыслях, он опустил руку на подлокотник облюбованного кресла, будто она там всегда и лежала.

– Не, в суставе кости хрящом разъединены. Полуподвижно соединены позвонки шейного, грудного и поясничного отделов позвоночника – о межпозвоночных дисках все слышали. Рёбра полуподвижно крепятся к позвоночнику и груди. Полуподвижным соединением считается родничок у младенцев.

– И лобковый симфиз.

– Да.

– Он есть только у женщин?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.